

ΜΕΤΑΜΟΡΦΟΖΙΣ

ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΙΣ

май
№ 3
2017

метаморфозис

М Е Т А М О Р Ф Ω Σ Ι Σ

#3

май 2017

студенческий научный
журнал

Научный руководитель проекта:

Т.Ю. Сидорина

Главный редактор:

Алексей Натальский

Заместитель главного редактора:

Мария Пономарева

Редакция:

Антон Гребенников

Дима Журавлев

Анна Лизунова

Художник:

Людмила Дегтярева

vk.com/metamorphosisjournal
facebook.com/groups/metamorphosisjournal

Выпуск журнала осуществлен в рамках учебного проекта НИУ ВШЭ:
Разработка периодического издания в сфере гуманитарных наук
hse.ru/org/hse/pfair/185392695.html

© МЕТАМОРФОЗИС 2017
© АВТОРЫ СТАТЕЙ 2017

С о д е р ж а н и е

Секция этики

5 Маргарита Ерина. Этика искусственного интеллекта: на основе кинофильмов Westworld, Ex Machina и Her

14 Арина Тихомирова. Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

22 Валерия Кудряшова. Может ли война быть справедливой?

30 Варвара Бозова. Этика и права животных

Секция философии языка

37 Ксения Жеребцова. Концепция обозначающего и отсылочного употребления определенных дескрипций Кейта Доннелана

42 Анастасия Морозова. Теория Ноама Хомского о врожденной способности к языку

Секция философии музыки

49 Евгения Минина. Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Ф. Шуберт. Экспромт № 1 in C-moll. Op. 90.

53 Георгий Семиглазов. Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Ф. Шуберт. Экспромт № 1 in C-moll. Op. 90.

56 Юрий Бочаров. Промежуток пути, или Брамс покидает Висбаден. Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Иоганнес Брамс. Интермеццо. Op. 118. № 2

58 Яна Амелина. Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Р. Шуман. «Крейслериана»

Этика искусственного интеллекта:

на основе кинофильмов *Westworld*, *Ex Machina* и *Her*

Маргарита Ерина

Этика искусственного интеллекта включает в себя множество вопросов, которые можно объединить в две группы: создание искусственного интеллекта (необходимо ли создавать искусственный интеллект? Как человек поймет, что искусственный интеллект создан? и т.п.) и последствия создания искусственного интеллекта. В данной статье рассмотрены гипотетические последствия создания искусственного интеллекта на основе кинолент *Westworld*, *Ex Machina* и *Her*.

Дискуссия о понятии «искусственный интеллект» в философии XX века

Стоит отметить, что философия искусственного интеллекта делится на два направления: создание искусственного интеллекта (что есть искусственный интеллект?) и последствия, которые оно вызовет. Предпосылки к формированию философской проблематики искусственного интеллекта связаны с социокультурным контекстом: две мировые войны, произошедшие в первую половину XX века, следствием которых являлся бурный рост производства и изобретений новых видов машин, выполняющие вычислительные и логические операции. Создание ЭВМ дало толчок к развитию дискуссии о возможности создания ИИ и последствиях его создания для человека.

Данное понятие было введено Джоном Маккарти в рамках Дартмутского семинара 1956 года. Однако он ввел понятие “Artificial Intelligence”, которое некорректно перевели как «искусственный интеллект». Маккарти подразумевал под данным термином не интеллект, так как это сразу вызывает связь с человеческим интеллектом, а способность логично рассуждать¹. Маккарти так же добавляет, что существует неясность в прояснении понятия «искусственный интеллект», так как мы не знаем точно, что, в принципе, означает интеллект. В таком случае

---

¹ *McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // Communications of the ACM. Vol. 3. 1960. No. 4. С. 184-195.*

выразить границы интеллекта у машины становится так же трудно: мы не знаем всех возможностей интеллекта, и в какой момент интеллект становится интеллектом.

В 1950 г. Алан Тьюринг выпустил книгу «Могут ли машины мыслить?»². Тьюринг задается вопросом, когда машина перестает просто выполнять поставленные задачи и начинает самостоятельно мыслить? Для решения этого вопроса он создал тест, который был назван его именем. Суть теста заключалась в том, что машина должна полностью симитировать человеческое мышление: человек в процессе переписки с машиной и задавания различных вопросов не должен понять, что разговаривает с машиной. По мнению Тьюринга, именно в этот момент машина показывает, что обладает интеллектом, то есть может мыслить. Впоследствии такой искусственный интеллект будет называться сильным. Слабый искусственный интеллект – машины, которые могут выполнять команды; они совершенствуются, но не могут самостоятельно мыслить.

Данный тест вызвал множество философских дискуссий на тему статуса искусственного интеллекта. Самый известный пример: аргумент против теста Тьюринга, выдвинутый Джоном Серлем. В 1980 году он описал эксперимент китайской комнаты³. Суть заключается в том, что человек, находящийся в комнате и абсолютно не знающий китайского языка, должен работать с китайскими иероглифами. При этом у него есть инструкции действий (взять определенную карточку и положить в определенную коробку). Наблюдающий со стороны, видя действия человека в комнате, может сделать вывод, что человек совершает действия осознанно, а не согласно инструкциям. Серл хотел показать данным экспериментом, что имитация действия машиной еще не означает, что она обладает интеллектом. Данный эксперимент, как и тест Тьюринга, в наше время являются одними из самых обсуждаемых в рамках философии искусственного интеллекта.

Характеристики сильного искусственного интеллекта

В рамках данной статьи мы будем рассматривать только сильный искусственный интеллект, так как он обладает способностями, если не тождественными человеческому разуму, то, по крайней мере, стремящимися к нему. Примерами таких способностей являются:

---

² Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960.

³ Серл Дж.Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998.

Этика искусственного интеллекта...

принятие решений, планирование, общение на естественном языке, самосознание (не все философы выделяют данную способность).

Принятие решений и решение головоломок – прерогатива сильного искусственного интеллекта, так как машина должна выйти за пределы своего алгоритма и самостоятельно продумывать следующие шаги, которые человек не может предвидеть. Сейчас все подобные машины запрограммированы на выполнение определенных команд и на определенный тип реакции на внешние раздражители. Да, многие компьютеры уже могут имитировать принятие решений, но, на самом деле, они просто выбирают подходящий алгоритм на основании определенных заданных параметров. Поэтому именно самостоятельная способность продумывать свои поступки и планировать их является способностью интеллекта.

Обучение так же является способностью сильного искусственного интеллекта, потому что это так же является самостоятельной особенностью получать новую информацию из внешних источников и анализировать ее. Сейчас обучение компьютеров происходит посредством создания программистами обновлений программ, исправлений различных неисправностей и загрузкой данных обновлений в компьютер. Обучение означает, что компьютер или программа может сама исправлять свои неисправности и добавлять улучшения, не привлекая внешних интеллектуальных источников.

Пункт «общение на естественном языке» может вызвать некоторое недопонимание – зачем сильному искусственному интеллекту обязательно общаться на нем. Естественные языки, в отличие от программных, являются постоянно совершенствующимися и изменяющимися системами. Естественный язык невозможно привести к какой-то идеальной однозначной системе (можно вспомнить попытки Рассела и раннего Витгенштейна⁴). Он состоит не только из знаков и их обозначений, но и определенных ситуаций, в рамках которых происходит общение. Поэтому общение на настоящем естественном языке подвластно только сильному искусственному интеллекту.

Способность к самосознанию является самой спорной в рамках определения сильного искусственного интеллекта. Проблема состоит в том, что ни философия сознания, ни какая-либо другая наука точно не может ответить на вопрос – что есть самосознание? Поэтому возникает трудность с определением, сможет ли искусственный интеллект достичь самосознания и поймем ли мы, что он достиг самосознания?

---

⁴ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958.

Таким образом, мы определили, какими способностями обладает сильный искусственный интеллект. Это нам необходимо для понимания этических проблем, поднимающихся не только в сфере философии искусственного интеллекта и сознания, но и в кинематографе.

Этические проблемы искусственного интеллекта в современном кинематографе

Искусственный интеллект и последствия его создания волнуют в равной степени как ученых, так и писателей-фантастов, режиссеров. Это вполне очевидно, ведь искусственный интеллект является символом будущего и торжества технологий. Из-за того, что никто не может полностью предсказать, каким будет искусственный интеллект, как он будет выглядеть, а также его поведение, то существует множество различных интерпретаций жизни в мире с искусственным интеллектом. В данной статье мы разберем 2 полнометражных фильма и один многосерийный фильм, описывающих мир, где искусственный интеллект существует, и человек должен наладить взаимодействие с ним.

Первый пример – фильм «Ex Machina», в русском переводе «Из машины». Фильм представляет собой прохождение теста Тьюринга, где программист, проводя тест на антропоморфном роботе (в виде миловидной девушки), в конце концов, влюбляется и решает выпустить робота «на свободу» – из дома ее создателя. Данное «освобождение» заканчивается для самого программиста плохо – робот оставляет его самого взаперти, обрекая на смерть. Так же она убивает своего создателя из-за его отношения к остальным роботам, которые не являются сильным искусственным интеллектом: он относился к ним как к рабыням (они все выглядели как девушки) и вел себя по отношению к ним аморально. В связи с данным сюжетом возникает множество вопросов, касающихся искусственного интеллекта – в какой момент человек поймет, что компьютер обладает интеллектом? Где проходит граница сознания? Этично ли влюбляться в робота? Как люди должны относиться к роботу: как к более низшему существу, высшему или равному себе? И как это отношение регулировать? Так же в фильме задается вопрос, почему робот с искусственным интеллектом антропоморфен? На самом деле этот вопрос довольно важный, ведь совсем не обязательно создавать робота наподобие человека. Однако в фильме создатель робота говорит, что «никому не захочется иметь дело с обычной коробкой. Нужно, чтобы робот располагал к общению»⁵. Логика фильма такова, что человеку для создания контакта с искусственным интеллектом желательно, чтобы

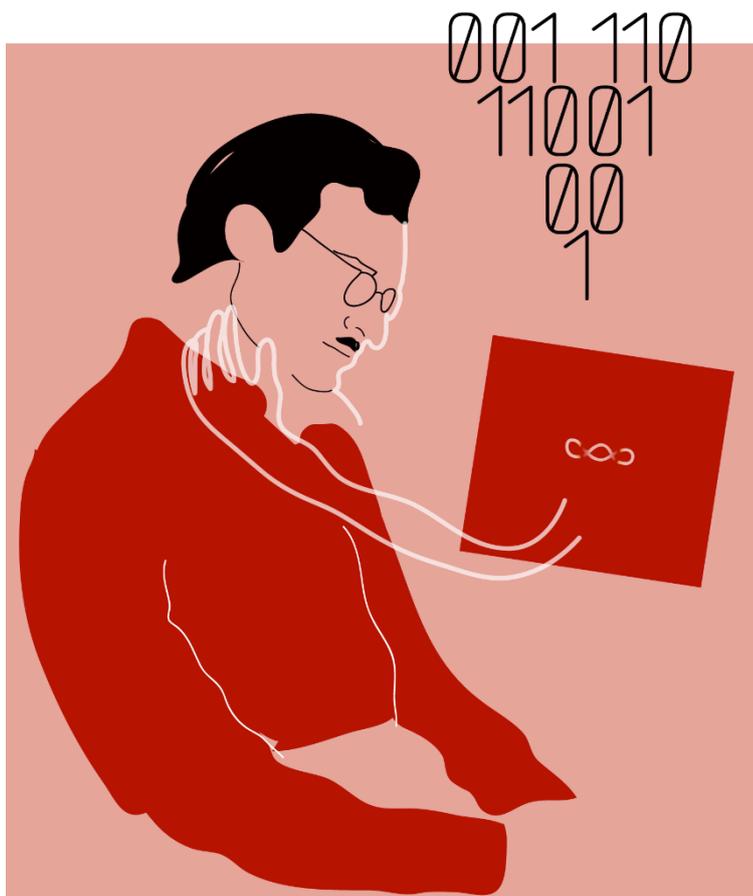
---

⁵ См.: Ex Machina, режиссер Алекс Гарленд, 2015.

Этика искусственного интеллекта...

он был антропоморфен (и привлекателен, конечно). Посыл данного фильма заключается в том, что искусственный интеллект при помощи точной имитации человеческих чувств способен показать, что он может чувствовать и переживать. Однако показано, что одной рациональности недостаточно для полного осмысления мира с точки зрения человека. Героиня-робот, убивая своего создателя и оставляя программиста взаперти, выполняет просто ответную реакцию на действия, которые были предприняты по отношению к ней и ее «соратницам». В ее поведении нет никакой моральной и нравственной подоплеки – она просто мстила. Это также наводит на вопрос: будет ли способен искусственный интеллект к нравственным поступкам?

Следующий пример, который, чем-то схож с предыдущим – американский сериал «Westworld» – «Мир дикого запада». Здесь показано наше будущее, где активно развивается индустрия парков развлечений с андроидами – роботами, которых не отличить от человека. Единственное отличие – в каждом андроиде заложен определенный сценарий, согласно которому он действует. Машины не знают, что они не люди, у них есть «сознание» по аналогии человеческого сознания, есть внутренний голос, который, на самом деле, является голосом создателя андроидов. Они не являются искусственным интеллектом, так как не могут решать головоломки и самостоятельно принимать решения, выходя за рамки своего сценария. Сериал является историей андроида, который с помощью решения головоломки «обнаруживает» самосознание. Он на протяжении 30 лет пытался осознать «себя», однако сценарий, который был в нем заложен, препятствовал этому. В данном сериале поднимаются проблемы, в большей степени касающиеся сознания: где границы сознания? Возможно ли «обнаружить» самосознание искусственному интеллекту, или же сознание должно быть запрограммировано человеком? Этическая сторона проблемы данного сериала, как и фильма «Из машины» относится к проблеме взаимодействия человека и роботов с искусственным интеллектом (или с потенциалом): должны ли мы воспринимать роботов с искусственным интеллектом как человека и взаимодействовать с ним в рамках этических принципов человеческого сообщества? Ведь в обоих фильмах четко показана взаимосвязь между аморальным первоначальным поведением людей по отношению к роботам и поворот к аморальному поведению (восстанию) роботов по отношению к людям в конце.

Фильм «Her» – «Она» выделяется из данного ряда кинокартин. В данном фильме так же подняты вопросы о взаимоотношениях искусственного интеллекта и человека: этично ли человеку заводить романтические отношения с искусственным интеллектом? Может ли искусственный интеллект стать полноправным членом человеческого общества? В данном фильме не показаны аморальные действия человека по отношению к искусственному интеллекту. Искусственный интеллект первоначально знает смысл своего существования – быть помощником человеку, то есть он изначально дружелюбно настроен к человеку и

не может причинить ему вреда (есть научная концепция «дружелюбный искусственный интеллект», которую, в принципе, фильм иллюстрирует). Особенность картины в том, что искусственный интеллект представлен не в виде привлекательного человека – он невидим вообще. Отсутствие привычной человеческой привлекательности у искусственного интеллекта и при этом возникновение привязанности людей к машине показывает, что внешний вид робота – не единственный критерий возникновения проблем во взаимодействии человека и роботов. Важнее наличие самого интеллекта.

Описанные кинокартины и множество других примеров из научной фантастики демонстрируют последствия создания искусственного интеллекта. Данная тема остается востребованной, так как уже более полувека человечество пытается создать искусственный интеллект, постоянно улучшая программы и компьютеры. За последнее десятилетие можно заметить ускорение развития программной инженерии, что, следовательно, приводит к

Этика искусственного интеллекта...

ускорению создания искусственного интеллекта, поэтому не только ученые, но и деятели искусства задумываются о проблемах и последствиях его создания.

Этика взаимодействия человека и искусственного интеллекта

Этика взаимодействия человека и искусственного интеллекта в данной статье представлена в виде нескольких путей развития событий. Искусственный интеллект в классическом понимании еще не создан, поэтому обсуждение этических вопросов о последствиях его создания актуальны для того, чтобы предотвратить негативные последствия для человека.

Существуют следующие варианты решения этической проблемы взаимодействия человека и искусственного интеллекта:

1. Искусственный интеллект (ИИ) необходимо наделить человеческими правами
2. ИИ в любом случае должен остаться в подчинении человека (слабым)
3. В случае создания действительного ИИ, люди никак не смогут его контролировать

Искусственный интеллект, согласно первой гипотезе, будет представлять собой аналог человеческого интеллекта, следовательно, робот с ИИ именно в интеллектуальном плане будет на одном уровне с человеком (если не выше). В таком случае моральные и нравственные законы взаимодействия искусственного интеллекта и человека должны быть аналогичны моральному взаимодействию людей. Например, в ходе обсуждения сериала «Westworld», доцент школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Кирилл Мартынов высказал подобную точку зрения, отметив, что, в случае действительного создания искусственного интеллекта, у нас не будет другого выбора, как пересмотра этических принципов и включения в эти принципы искусственного интеллекта⁶. Тем не менее, возникает вопрос, будут ли сами роботы следовать нашим этическим принципам? Возможно, будут, если роботов, при их создании, научить определенным моральным принципам. Вопрос: каким именно? Учить этике Канта или же утилитаризму? Об этом рассуждает философ Дэвид Эдмонс в интервью, опубликованном информационным изданием «Медуза»: «Что вложить в машину – идеи деонтологов или идеи консеквенциалистов? И кто должен принимать это решение – инженеры, правительство или покупатели? Должна ли у покупателя быть возможность прийти в автомобильный салон и сказать: «Я хочу машину с кожаным салоном

---

⁶ Обсуждение сериала Westworld на базе ФГН НИУ ВШЭ 9 декабря 2016. Участники: Куренной В., Мартынов К., Зубова А., Соколова Е. <https://www.youtube.com/watch?v=s9b2AMW7cfg>

и философией Канта)? Очевидно, это очень важные вопросы с точки зрения закона, потому что в случае дорожного происшествия кто-то должен будет за него отвечать. Поэтому, на мой взгляд, машины с автопилотами отделяют от дорог общего пользования не технические вопросы, а моральные⁷. Такой подход к созданию искусственного интеллекта требует создания объективной этики – что является одной из наиболее широких проблем в этике на данный момент.

Вторая гипотеза решения проблемы более радикальна: не создавать сильный искусственный интеллект. В наши дни существует множество роботов-помощников, различных девайсов, которые упрощают нашу жизнь, но не обладают интеллектом в привычном для человека понимании. Данная точка зрения, на самом деле, самая релевантная в том смысле, что неизвестно, сможет ли человек, в принципе, создать искусственный интеллект или нет. Ведь, как было сказано ранее, проблема создания искусственного интеллекта заключается в проблеме самопознания человека. Мы до сих пор точно не знаем, что из себя представляет человеческий интеллект, как он устроен, какой потенциал у него есть и т.п. Поэтому проще всего развивать способности роботов и программ, а не стараться построить новый тип интеллекта.

Третья гипотеза отсылает нас так же к феномену интеллекта. Если искусственный интеллект будет создан, то человек уже не сможет его контролировать полностью, как нынешние программы. Искусственный интеллект может быть создан по типу человеческого или каким-то иным образом, в любом случае, люди не смогут точно предсказать, как будут себя вести такие роботы, будут ли они дружелюбно настроены по отношению к человеку или же нет. Во всех трех фильмах показано, что человек может контролировать искусственный интеллект только на этапе внедрения его в человеческий мир – в дальнейшем ИИ может вести себя непредсказуемо (жестко по отношению к человеку, как в «Westworld» и «Ex Machina», или решит создать свой собственный мир, как в «Her»). Конечно, примеры из фильмов не являются научными, но, так как мы не можем дискутировать об этике искусственного интеллекта, не выходя за рамки гипотез, они являются яркими иллюстративными примерами, поднимающими вопросы, о которых дискутируют философы уже не одно десятилетие.

---

⁷ Эдмондс Д. Машина может стать сильнее человека в этических вопросах – об этике роботов и тренировке морали // Интернет-издание Meduza. 10 мая 2017. <https://meduza.io/feature/2016/05/16/mashina-mozhet-stat-silnee-cheloveka-v-eticheskikh-voprosah>

Итак, этика искусственного интеллекта, касающаяся последствий его создания, все еще решаема только на уровне гипотез. Существует множество условий и возможностей, которые могут повлиять не только на констатацию проблемы, но и на ее решение.

Говорить о том, стоит ли наделять равными правами искусственный интеллект, если он будет создан, на мой взгляд, не так важно – я солидарна с точкой зрения, что, если искусственный интеллект *будет создан*, то мы должны определенным образом урегулировать этические и правовые вопросы, касающиеся нашего взаимодействия. Не факт, что роботы будут следовать нашим правилам, скорее всего, этические принципы будут обсуждаться с роботами. Это так же приводит к новым проблемам, например, нужно ли людям учитывать мнение роботов в урегулировании этических вопросов. Однако возможность того, что искусственный интеллект создадут, далеко не абсолютная, поэтому в данной ситуации вторая гипотеза о том, что лучше всего не создавать искусственный интеллект, на мой взгляд, наиболее действенная, ведь моральные вопросы касаются не только сильного искусственного интеллекта, но и слабого, как отмечает Дэвид Эдмондс. Это значит, что сейчас лучше решать вопросы, связанные с уже существующими программами и машинами, которым нужно будет самостоятельно принимать решения, чтобы понять, действительно ли нам так нужен сильный искусственный интеллект.

Библиография

McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // Communications of the ACM. Vol. 3. 1960. No. 4.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958.

Серл Дж. Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998.

Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960.

Эдмондс Д. Машина может стать сильнее человека в этических вопросах – об этике роботов и тренировке морали // Интернет-издание Meduza. 10 мая 2017 // URL:

<https://meduza.io/feature/2016/05/16/mashina-mozhet-stat-silnee-cheloveka-v-eticheskikh-voprosah>

Обсуждение сериала Westworld на базе ФГН НИУ ВШЭ 9 декабря 2016. Участники: Куренной В., Мартынов К., Зубова А., Соколова Е. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s9b2AMW7cfg>

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

Арина Тихомирова

Садизм способствует увеличению зла в этом мире. Боль, пытки, неоправданная жестокость по определению своему не могут вписываться в систему общегуманистической морали, даже если это и доставляет удовольствие каким-то людям. Ведь есть разница между получением наслаждения от прослушивания оперы, от хорошего ужина и от избиения другого человека. Такова позиция принципа качественного гедонизма: важно, что именно способствует благополучию – базовые удовольствия всегда менее ценны, а извращённые могут не считаться таковым вообще (проблема подлинных и неподлинных наслаждений в современной критике гедонизма).¹

В то же время, в повседневной жизни мы не так редко сталкиваемся с садистским поведением, которое является болезненным проявлением деструктивного начала, злокачественной агрессии человека. Получается, что эти люди сразу оказываются исключены из моральных отношений в социуме? Ведь, следуя учению “отца” садизма, Маркиза де Сада, единственной моралью подлинного садиста является полное отсутствие морали; садизм аморален по своей сути. Отсюда, садизм всегда находится вне области моральных отношений, однако, возможно ли оправдание не самого садизма, но садиста, поведение которого является нездоровой частью его природы (в том случае, если это не диагностированная патология)? Иными словами, возможны ли ситуации, в которых формально садист не может быть обвинен в нарушении морали?

На материале нескольких статей, монографий, а также кейсов, подходящих для анализа этических аспектов практик садизма в данной работе будет осуществлена попытка анализа садистского поведения в аспекте отношения к нему норм морали. Цель исследования: проанализировать садистское поведение и понять, могут ли существовать ситуации, в которых садист может не быть виновным за свои действия с этической точки зрения.

Основной характеристикой садизма является получение удовольствия в причинении боли другим людям. Оксфордский словарь по психологии дает следующее определение этой склонности: «Садизм – в общем смысле – получение удовольствия от причинения боли и страдания другим. <...> В этом способе употребления сексуальная коннотация может

---

¹ *Sobel, D. Varieties of Hedonism // Journal of Social Philosophy. 33(2). 2002. P. 247-248.*

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

присутствовать или отсутствовать».² Отсюда, можно выделить ключевые моменты, исключаящие садистское поведение из системы гуманистической морали. Во-первых, это причинение боли и страдания другому человеку; во-вторых, это нарушение автономии другого и унижение его достоинства; в-третьих, садизм – это получение удовольствия от насилия над другим, что, вероятно, возмущает больше всего и позволяет обвинить садиста в отсутствии эмпатии. Согласно Маркизу де Саду, садистское поведение по самой своей сути лежит за пределами морали, что и делает его таким привлекательным. Герой де Сада не руководствуется религиозными догмами, нравственными законами, общественными устоями или даже «велениями природы» – его свобода достигается лишь в полном отрицании всех условностей и любых закономерностей (в том числе природных). Основание всех его действий – одно лишь желание, стремление удовлетворить свои гедонистические потребности. А из этого следует, что в садическом обществе полностью ликвидируются любые взаимные обязанности, и каждый рассматривает другого только как потенциальный инструмент для наслаждения.³

Очевидно, что садист – это далеко не всегда изолированный от общества человек с определенными психическими отклонениями, насильник или убийца. Напротив, в повседневной жизни людей с подобными наклонностями встречаются нередко. Обратимся хотя бы к персонажам известных романов кинофильмов: садистов несложно разглядеть в тюремном надзирателе Перси из «Зеленой мили» (1999) по одноименному произведению С. Кинга или медсестре Ретчед из романа Кена Кизи и фильма «Пролетая над гнездом кукушки» (1975). Характерно, что садист всегда находится в доминирующем положении и выступает в качестве хозяина и угнетателя – надзиратель по отношению к заключенным, врач по отношению к пациентам (зависимым от его воли), учитель к ученикам и т.д. Эта тенденция хорошо прослеживается в Стэнфордском тюремном эксперименте (СТЭ), интерес к которому пережил вторую волну в результате скандала с пытками в тюрьме Абу-Грейб в 2004 году. Согласно автору этого эксперимента, Филипу Зимбардо, граница между добром и злом регулярно может преодолеваться человеком в зависимости от ситуации, в которой он оказался; и власть над другим может пробудить в каждом садистское желание насилия, полного

---

² Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002.

³ *Ерофеев В.* Маркиз де Сад, садизм и XX век // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 240.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

владения и унижения, что подтверждает опыт, проведённый им в Стэнфордском университете в 1971 году. Не вдаваясь в подробности поставленного эксперимента, отметим следующее. В рамках опыта в подвале института психологии была организована небольшая тюрьма, начальником которой выступал сам исследователь, а надзиратели и заключенные были набраны по объявлению за несколько дней до начала эксперимента, который планировалось проводить на протяжении двух недель. Как отмечает сам Зимбардо, со всеми испытуемыми заранее были проведены собеседования и тесты, в результате которых ни у одного из них не были выявлены какие-либо психические отклонения или садистские наклонности. Однако уже спустя несколько дней после начала эксперимента надзиратели начали применять особую жестокость по отношению к своим “подопечным”: к примеру, они не давали им спать или будили во сне, в обращении использовали не имена, а только номер каждого заключенного, применяли наказания.⁴ Подобные действия, унижение и запугивания несчастных подневольных привели к тому, что уже через несколько дней заключенные начали испытывать приступы депрессии, животного страха, аллергические реакции. В результате эксперимент пришлось завершить уже спустя шесть дней после его начала. И несмотря на большое количество споров о правомерности и корректности поставленного эксперимента, Зимбардо пришел к выводу, что под влиянием определённых внешних обстоятельств, любой человек может забыть о своих мировоззренческих позициях и моральных установках, превратившись в настоящего садиста. Так, 12-часовые смены по семь рабочих дней в неделю без выходных, отвратительные условия (протекающие трубы, грязь, отсутствие электричества, крысы) сделали из Чипа Фредерика, патриотичного американца и солдата, работающего в Абу-Грейб, настоящего мучителя и садиста. Однако если вызволить его из этой ситуации, то он вновь станет нормальным человеком и полноценным членом общества.⁵ Поэтому, отвечая на вопрос о возможности оправдания садиста с позиции Зимбардо, можно сказать следующее: садизм не получает санкцию морали, но многие люди проявляют садистские наклонности только из-за независящих от них обстоятельств. Если таких садистов нельзя оправдать, то их можно понять.

---

⁴ *Zimbardo P. G., Maslach C., Haney C. Reflections on the Stanford Prison Experiment: Genesis, transformations, consequences.* Mahwah, NJ, Erlbaum, 2000. P.201.

⁵ *Zimbardo P. G. The barrel that spoils the apple: How good people turn evil.* RSA Journal. Vol. 154. 2007. No. 5529. P. 61.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

С позицией Зимбардо был категорически не согласен немецкий психолог и философ Э. Фромм. Для Фромма человек ни зол и ни добр от природы, и уж точно не каждый человек является потенциальным садистом. Комментируя СТЭ, в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» он пишет: «<...> Они надеялись доказать, что сама ситуация всего за несколько дней может превратить нормального человека либо в жалкое и ничтожное существо, либо в безжалостного садиста. Мне кажется, что эксперимент как раз доказывает обратное, если он вообще что-нибудь доказывает».⁶ Только треть надзирателей проявили садистские наклонности, что и является лучшим аргументом о неубедительности доводов о том, что любой человек может превратиться в садиста при определённых обстоятельствах. Кроме того, необходимо разделять поведение соответственно садистским правилам и получение удовольствия от собственной жестокости, а это различие не получило освещения в эксперименте Зимбардо. В той же работе, рассматривая происхождение человеческой агрессии и садизма, Фромм отмечает, что «биологически адаптивная агрессия служит делу жизни».⁷ Однако только человек подвержен влечению мучить и убивать, при этом испытывая удовольствие: «Это единственное живое существо, способное уничтожить себе подобных без всякой для себя пользы и выгоды».⁸ Садизм, а также мазохизм, и некрофилия (стремление к разрушению человеческой жизни) являются двумя основными формами злокачественной агрессии, или человеческой деструктивности. Сутью и первейшим признаком садизма Фромм считал именно жажду власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом и над его жизнью. Поэтому садистские наклонности сильнее или слабее проявляются у эксплуататорских типов личности, в то время как у людей с преобладающей любвеобильностью и жизнеутверждающими элементами, а не деструктивностью, подобные желания могут и вовсе отсутствовать. Важно также отметить, что по Фромму садизм является не деформацией полового чувства, а вполне естественной чертой характера и «частью синдрома» страха жизни. Но, как считает Фромм, «садист не получит удовольствия от того, что в бою с сильным противником ранит врага, ибо данная ситуация не даст ему ощущения господства над врагом». Садизм не равен доброкачественной или оборонительной агрессии,

---

⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 65.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Там же. С. 246.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

которая является биологически обусловленной реакцией живого организма.⁹ Поэтому несмотря на то, что Фромм не пишет конкретно о связи садизма и этики, очевидно, что проявление садистских элементов характера и моральное поведение индивида для него не сочетаемы.

Таким образом, несмотря на различие в первоначальных посылках (для Зимбардо каждый человек может стать садистом, если окажется в определённых ситуациях; по Фромму, далеко не каждого можно заставить нарушить свои ценностные установки и проявить несвойственную жестокость по отношению к другому человеку), в выводах обоих психологов есть один схожий момент: садистскому типу свойственна жажда неограниченной власти, получив которую он забывает про любые нравственные ценности и начинает использовать ее для удовлетворения собственных желаний и потребностей, причинять боль другому, что в основе своей лежит за границами морали. Однако попробуем рассмотреть пару кейсов, в которых подобные действия неизбежны вне зависимости от предпочтений “господина”.

Представим себе следующую ситуацию. Полевой госпиталь времен Гражданской войны в США: нет ни пенициллина, ни обезболивающих. Раненному солдату срочно нужно ампутировать ногу, чтобы не допустить развитие гангрены. Разумеется, операция причинит больному невероятную боль, однако она неизбежна. Врач (или иной работник госпиталя), который будет оперировать его, испытывает удовольствие от причинения физической или моральной боли другим. Он будет получать наслаждение от криков и мучений оперируемого, однако способствовать увеличению количества боли не сможет – ампутация конечности без обезболивания и без того является нечеловеческой пыткой. Получается, что садистские желания не способствуют увеличению зла в мире, ведь их удовлетворение не является даже основной причиной действия (хотя, конечно, работник госпиталя могу сам вызваться на проведение операции). Иными словами, количество страдания жертвы насилия не увеличивается ради садистского удовольствия мучителя – садизм оказывается «встроен» в действие, которое и без того причиняет страдание другому человеку.

В качестве второй иллюстрации возьмем известный кейс «Террорист и тикающая бомба», обычно использующийся в полемике о допустимости или недопустимости применения пыток. У этой задачи даны следующие условия:

---

⁹ Там же. С. 189.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

(1) У полиции есть основания полагать, что пытка террориста поможет спасти тысячи невинных жизней;

(2) Полиция знает, что иного выхода спасти всех этих людей у них нет;

(3) Взрыв вот-вот произойдет;

(4) Тысячи людей, которые погибнут, невиновны, в то время как у террориста нет хороших, справедливых, моральных оправданий для их убийства (единоличное решение);

(5) Достоверно известно, что террорист (вместе с соучастниками) несет моральную ответственность за планирование, транспортировку и установку взрывчатки, и, если она взорвется, значит, он будет нести моральную ответственность за убийство тысяч людей.¹⁰

В рамках данной статьи мы не будем обращаться к проблеме этичности пыток, но примем позицию исследователей, полагающих их допустимость в подобных ситуациях. Тогда встает вопрос о том, кто должен становится мучителем и пытаться подозреваемого. С одной стороны, исследователи всегда разводят практику пыток и садизм по той причине, что цель пыток – инструментальна, в то время как садисты стремятся к получению удовольствия.¹¹ Кроме того, в отличие от предыдущего примера, здесь поведение и уровень наносимых страданий мучителем неконтролируемы – следуя желанию господства и обладания, страдания жертвы он может причинять куда больше боли, чем необходимо. С другой стороны, в такой ситуации человек, не желающий осуществлять пытку, но вынужденный делать это, к примеру, по приказу, также окажется в положении морального насилия. А вот если в такой роли окажется человек с садистскими наклонностями, то ему не придется идти против своих моральных и нравственных принципов. Еще раз отметим, что в данной ситуации пытка рассматривается как неизбежность, направленная на спасение тысяч невинных людей.

Еще один интересный вопрос, связанный с моральностью или аморальностью поведения садиста, является неоднозначность практики садомазохизма. Большинство исследователей сходятся во мнении, что консенсуальный садомазохизм в умеренной не противоречит нормам морали.¹² Фактически, и садист, и мазохист получают удовольствие от акта жестокости – первый от господства и власти, а второй от причиняемой боли и подчинения. Но стоит

---

¹⁰ Hill D. Ticking Bombs, Torture and the Analogy with Self-defense // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 44. 2007. P. 396.

¹¹ Kenny P.D. The Meaning of Torture // *Polity*, Vol. 42, No. 2, 2010. P. 142.

¹² Bennett T. Sadomasochism Under the Human Rights (Sexual Conduct) Act 1994 // *Sydney Law Review*. 2013. 35 (3). P. 559.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

отметить, что не все садисты рассматривают такие отношения как удовлетворяющие для тебя – многим нужно именно сломить свою жертву, владеть ее без согласия.

Итак, если рассматривать предложенные случаи с позиции деонтологии Канта, то, разумеется, садисты оправданы быть не могут: мотивы их действий остаются безнравственными и аморальными. Однако с точки зрения утилитаристской теории, в двух из трех описанных случаях садист не способствует увеличению страдания, а напротив, приносит удовольствие в ситуациях, когда его быть в принципе не может. Более того, формально, мы можем даже не знать о том, что он получает удовольствие, и внешне садизм не будет выглядеть насилием, направленным на уничтожении автономии другого. Таким образом, возвращаясь к основной претензии к садизму с этической точки зрения, отметим, что в предложенных примерах основной причиной увеличения зла в мире является отнюдь не садистское поведение, а сторонняя причина: в случае со врачом ампутации конечности раненному солдату, в случае пыток – желание (правительства) спасти горожан, а в ситуации садомазохистских отношений желание доставить удовольствие себе и другому. Следовательно, в определенных ситуациях садист может оставаться в границах общественных отношений, а его желания не будут расцениваться как привносимое в мир беспрекословное зло.

Этика садизма: возможно ли оправдание садиста?

Библиография

Ерофеев В. Маркиз де Сад, садизм и XX век // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990.

Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002. URL: <http://vocabulary.ru/slovari/oksfordskii-tolkovyi-slovar-po-psihologii.html>

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

Bennett T. Sadomasochism Under the Human Rights (Sexual Conduct) Act 1994 // Sydney Law Review. 2013. 35 (3). P. 541-564.

Hill D. Ticking Bombs, Torture and the Analogy with Self-defense // American Philosophical Quarterly. Vol. 44. 2007. P. 395-404.

Kenny P.D. The Meaning of Torture // Polity. Vol. 42. 2010. No. 2. P. 131-155.

Sobel, D. Varieties of Hedonism // Journal of Social Philosophy. 33(2). 2002. P. 240-256.

Zimbardo P. G., Maslach C., Haney C. Reflections on the Stanford Prison Experiment: Genesis, transformations, consequences. Mahwah, NJ, Erlbaum, 2000. P. 193-237.

Zimbardo P. G. The barrel that spoils the apple: How good people turn evil // RSA Journal. Vol. 154. 2007. No. 5529.

Может ли война быть справедливой?

Валерия Кудряшова

Первую оформленную концепцию справедливой войны можно увидеть в работе Августина «О граде Божьем» (справедливая война – это война священная, война во имя веры). Впоследствии данная концепция претерпела множество значительных изменений и была оттеснена милитаристскими тенденциями понимания природы войны. В 1977 году была опубликована книга американского политического философа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»¹, и этот год ознаменовался возрождением теории справедливой войны.

Современная теория справедливой войны – это теория, представляющая собой совокупность отдельных концептов милитаризма и пацифизма и пытающаяся обосновать возможность возникновения и ведения военного акта с этической точки зрения. Теория справедливой войны опирается на два фундаментальных принципа при попытке обоснования вооруженного столкновения – *jus ad bellum* (право войны, справедливость войны) и *jus in bello* (право в войне, справедливость в войне).

Jus ad bellum включает в себя шесть принципов²:

1. Правое дело: начало военного конфликта возможно только при наличии справедливой причины;
2. Легитимная власть: использование насилия может быть морально оправдано только в том случае, если оно применяется в целях соблюдения международного порядка и безопасности и ведется легитимной властью;
3. Добрые намерения: война может рассматриваться как справедливая, если она не преследует осуществление дурных намерений;
4. Вероятность успеха: какая-либо из двух противоборствующих сторон не должна начинать военную кампанию, если она изначально обречена на неудачу;
5. Крайнее средство: использование вооруженного насилия государствами может быть нравственно оправдано только в том случае, если дипломатические меры не являются эффективными;

---

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. NY: Basic Books, 2006.

² Коннитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 47-165.

Может ли война быть справедливой?

6. Соразмерность: война считается справедливой, если соблюдается распределение сил между противниками.

К принципам *jus in bello* относятся два принципа³:

1. Различие: необходимость проведения различия между комбатантами (бойцы регулярной армии) и некомбатантами (гражданское население);

2. Соразмерность: недопустимость непропорционального использования насилия по отношению к противнику.

Помимо вышеуказанных принципов иногда выделяют принципы *jus post bellum* (право после войны), которые можно вывести из трактата Иммануила Канта «К вечному миру»⁴.

Аргументы «за» применение принципов теории справедливой войны при этическом оправдании военных актов

В целом, можно выделить четыре сильные стороны теории справедливой войны:

1. Критика пацифизма. Пацифизм уничтожает любую возможность морального обоснования военного конфликта, его формула заключается в отказе от любого вида проявления насилия. Теоретики справедливой войны считают такую точку зрения наивной, поскольку нельзя отрицать, что существуют войны, в которых применение насилия может быть оправданным;

2. Критика милитаризма. Дискурс о моральном обосновании военного деяния в данной теории принимает специфическую форму: война совместима с нравственностью лишь в том отношении, что она не позволяет обществу регрессировать (без войны невозможны были бы моральные ценности, например, справедливость). Милитаризм провозглашает апофеоз войны, поэтому возникает угроза тотальной войны, войны на уничтожение, что поддается критике со стороны теоретиков справедливой войны;

3. Критика реализма. Реализм разводит понятия «война» и «мораль», то есть военный акт не может рассматриваться с точки зрения нравственности (война относится к сфере политического действия и затрагивает только интересы государственных устройств).

---

³ Там же. С. 168-208.

⁴ Следует отметить, что Канта нельзя причислять к теоретикам справедливой войны (хотя канадский философ Брайан Оренд принимал неоднократные попытки доказать обратное); в своей работе немецкий философ не отрицает возможности этического обоснования войны, но в целом придерживается позиции скептического пацифизма.

Может ли война быть справедливой?

Приверженцы теории справедливой войны критикуют данное утверждение, апеллируя к историческим примерам войны за свободу;

4. Принципы теории справедливой войны применены к классическому типу войны. Классическое понимание войны наиболее полным образом отражено в книге К. фон Клаузевица «О войне», где философ и военный деятель предлагает следующие трактовки:

1. Война есть «столкновение волей»⁵;
2. Война есть инструмент для достижения политических целей⁶;
3. Война есть моральная и физическая борьба при помощи уроков;
4. Война есть «подлинный хамелеон»⁷ (природа войны комплексна и изменчива).

Классическая война всегда симметрична и ведется между равными государствами, которые могут использовать средства вооруженного насилия для достижения целей и претворения в жизнь своих политических идей; можно сказать, что ведение войны определяется атрибутами суверенной власти. Кроме того, классическая война – это война тринитарного типа, так как в ней соблюдается баланс между тремя структурными элементами – “государство-армия-народ” (государство принимает решение о вступлении в военный конфликт, армия воюет, народ оплачивает

⁵ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2013. С. 21-22.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 40.

Может ли война быть справедливой?

войны и несет страдания от них)⁸. Традиционный тип войны всегда соответствует требованиям классической рациональности; ведение войны регламентируется рядом правовых актов и правил, поэтому такой военный конфликт можно определить в качестве «войны-дуэли».

Аргументы «против» применения принципов теории справедливой войны при попытке нравственного обоснования военного конфликта

При попытке нравственного обоснования современной войны теория справедливой войны сталкивается с рядом трудностей: большинство противоречий вскрывают проблемные пласты в понятийном аппарате самой теории, другие демонстрируют практическую несостоятельность теории:

1. Этимологические трудности при попытке прояснить, что мы понимаем под термином «*just*». На русский язык «*just*» можно переводить «правовой» или «справедливый». Так как теория справедливой войны принадлежит к американской традиции понимания феномена войны, то между понятиями «правовой» и «справедливый» ставится знак равенства. Данная трактовка может подвергаться критике в связи с тем, «право» не всегда сводится к «справедливости» (и во многих других языках эти понятия легко разводимы):

- 1) В первую очередь, право относится к сфере юрисдикции, в то время как справедливость – к сфере морали;
- 2) Право не всегда может полностью актуализировать идеал справедливости в связи с тем, что понимание справедливости варьируется в различных общественных и государственных устройствах;
- 3) Формального механизма осуществления справедливости не существует, поэтому единый алгоритм при определении, какой правовой акт может считаться справедливым (и какой нет), отсутствует.

2. Критика понятия «справедливой войны». В данном случае проблема заключается в определении теории справедливой войны: данная теория понимается как совокупность принципов милитаризма (*jus ad bellum*) и пацифизма (*jus in bello*). Принципы *jus ad bellum* направлены на создание ореола героизма вокруг военного действия; принципы *jus in bello*, напротив, являются прямым наследием пацифизма (отличие от теории пацифизма состоит в том, что конец всем войнам можно положить при помощи единственной войны). Само понятие

---

⁸ Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2015. С. 285.

Может ли война быть справедливой?

«справедливой войны» невозможно вывести из двух различных нормативных источников⁹ (тем более, что теория справедливой войны более ориентирована на милитаристские тенденции);

3. Критика принципа «легитимной власти». Данный принцип наиболее ярко отражает проблему соотношения между «правом» и «справедливостью», что можно проиллюстрировать на примере гражданской войны. С одной стороны, в государстве есть легитимное правительство. С другой стороны, народные массы восстали против легитимного правительства и пытаются утвердить за новым (революционным) правительством статус легитимности. Возникает вопрос: какая именно власть будет считаться легитимной? Если рассматривать первую власть как легитимную, то притязания народа должны рассматриваться как несправедливые. В теории справедливой войны есть отсылка к кейсам, согласно которым в отдельных случаях у народных масс есть право на свержение старого правительства и утверждение нового. Если рассматривать вторую власть с точки зрения легитимности, то возникает вопрос возможности справедливой революции и ее нравственного обоснования; при этом в теории справедливой войны сказано, что действия революционеров не могут рассматриваться как легитимные только на основании их намерений и народной поддержки. Таким образом, возникает парадокс в соотношении «справедливости» и «права», который заложен в самой теории справедливой войны. Более того, аналогичной критике можно подвергнуть и другие критерии *jus ad bellum*;

4. Невозможность применения принципов теории справедливой войны к современным типам войны. Как было отмечено ранее, теория справедливой войны применима к классическим видам военных конфликтов, которые можно охарактеризовать как «войны-дуэли». Во второй половине XX века (после Второй Мировой войны) природа войны претерпевает определенные изменения. На международную политическую арену выходят новые игроки, появляются новые виды вооружения, возникают новые идеологические конфликты, которые не могут быть определены в рамках традиционного понимания войны. Войны принимают характер асимметричных конфликтов (партизанские войны, контрпартизанские операции, террористическая война, информационная война, мятеж-война, гибридные войны и другие виды), в связи с чем возникает дискурс о феномене «трансформации войны». Для асимметричных военных конфликтов характерно нарушение

---

⁹ Кашиников Б. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11.

Может ли война быть справедливой?

тринитарной структуры (государство-армия-народ), разрыв которой приводит к тому, что военная баталия происходит не между двумя государственными образованиями, а между государством и «противником-призраком». Более того, «новые» типы военных столкновений характеризуются неравенством экономических и политических сил, наличием скрытым политических целей, бессилием и невозможностью использования ядерного оружия, нанесением внезапных и точечных ударов со стороны «противника-призрака», применением новых форм насилия и жестокости. Происходит дисбаланс сил: «противник-призрак» всегда находится в более выгодном положении, чем государственное устройство, поскольку его мотивы и цели всегда остаются скрытыми (возможность конструировать сценарии событий с результатом в свою пользу), ему доступны средства информационного и технического прогресса.

В научной среде данный новаторский взгляд на проблему феномена войны признается за Мартином ван Кревельдом. Ранее в этой парадигме высказывался французский полковник Роже Транкье в книге «Современная война»¹⁰; книга Транкье была опубликована в 1961 году, и она положила начало новому дискурсу о природе военного конфликта. Транкье указывает на необходимость переосмысления феномена войны в связи с появлением герильи нового типа и предлагает определять современную войну как совокупность различных характеристик¹¹ (идеологические, политические, социальные, психологические и другие), направленных на свержение правящего режима;

5. Критика *jus ad bellum* как нормативного оправдания насилия в виде доктрины «двойного эффекта»¹². Жертвы среди некомбатантов во время военных операций неизбежны, поэтому несознательное нанесение вреда гражданскому населению не должно быть инкриминировано комбатантам. Однако на практике эта формула не работает: так, в войне в Ираке на одного убитого солдата приходится двести жертв среди гражданского населения¹³;

6. Манипуляция представлениями о справедливости. Теория справедливой войны делает акцент на универсальной справедливости, игнорируя частную справедливость, цель которой заключается в обеспечении и осуществлении диалога между государствами в глобальном пространстве без какого-либо вмешательства и посягательств на суверенитет отдельно взятой

---

¹⁰ *Trinquer R.* La guerre modern. Stratégies & Doctrines. Paris: ECONOMICA, 2008.

¹¹ *Ibid.* P. 114.

¹² *Кашиников Б.* Указ. соч.

¹³ Там же.

Может ли война быть справедливой?

страны. Следовательно, возникают трудности не только при определении соотношения между универсальной и частной справедливостью, но и с моральным статусом гуманитарной интервенции;

7. Размытое понимание зла. Во-первых, возникает дилемма, что добро может бороться со злом лишь только с применением силы. Во-вторых, возникает такая же проблема, как и с определением «справедливого»: каждая из враждующих сторон может подвести под понятие «зла» все, что угодно, обосновывая тем самым принцип «правого дела».

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на некоторое преимущество перед другими теориями нравственного обоснования войны (милитаризм, реализм и пацифизм), теория справедливой войны является рабочей только в рамках классического военного конфликта. Нормативные положения теории справедливой войны не работают в рамках современного военного дискурса, поэтому встает вопрос о необходимости пересмотра ее понятийного аппарата и соотношения между «правом» и «справедливостью».

Может ли война быть справедливой?

Библиография

Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Кашиников Б. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11.

Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2013.

Коппитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002.

Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2015.

Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Издательство «Весь мир», 2007.

Calhoun L. The Metaethical Paradox of Just War Theory // Ethical Theory and Moral Practice. Vol. 4. 2001. No. 1.

Rengger N. On the Just War Tradition in the Twenty-First Century // International Affairs. Vol. 78. 2001. No. 2.

Trinquier R. La guerre modern. Stratégies & Doctrines. Paris: ECONOMICA, 2008.

Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. NY: Basic Books, 2006.

Walzer M. The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success) // Social Research. Vol. 69. 2002. No. 4.

Этика и права животных

Варвара Бозова

В этой работе я буду анализировать моральный и правовой статус животных в современном мире, а также реконструировать динамику изменений отношений к животным, начиная с Древней Греции и заканчивая нынешним положением дел. Главные вопросы статьи: каков моральный статус животных, на каком основании уместно говорить о наличии у них прав, способны ли они испытывать боль. Для того чтобы ответить на эти вопросы я обращаюсь к многовековой философской дискуссии о статусе животных в мире.

Отношение к животным было неоднозначным уже в Древнем мире, в частности в Греции существовали две противоборствующие школы: Пифагора и Аристотеля. Фигура Пифагора крайне знаменательна для истории защиты прав животных, на протяжении всей своей жизни, начиная с 20 лет, он не употреблял в пищу мясо, а также был основателем первой в Европе вегетарианской общины. Жители общины придерживались умеренности и гуманности во всем, основными их постулатами были справедливость и воздержанность. Пифагор в своих учениях уделял достаточно много внимания животным и отношениям человека к ним. Пока человек убивает животных, он будет убивать и других людей¹. Однако, влияние пифагорейской школы было не столь велико, чтобы затмить идеи Аристотеля.

Своими идеями Аристотель дает развитие антропоцентрической модели мира, для него «растения существуют для целей животных, а последние – для целей человека»². Для Аристотеля назначение животных заключается в том, что они должны быть использованы человеком в пищу, а дикие животные также для одежды и различных инструментов. Аристотель полагает, что животные были созданы для человека. В следствии огромного влияния Аристотеля на общество Древней Греции именно его идеи на отношение к животным закрепились и получили дальнейшее развитие.

Декарт укрепляет позицию антропоцентризма в своем трактате «Размышления о первой философии». Для Декарта животные подобны машинам и автоматам, у них нет души, Декарт сравнивает их со сложными часовыми механизмами. Из-за отсутствия у них души, они не могут ощущать боль, удовольствие, радость и прочие эмоции. Декарт не отождествляет боль

---

¹ *Тере Л.* Учение Пифагора о пище // Вегетарианское обозрение. 1910. С. 4-9.

² *Сингер П.* Освобождение животных. К.: Киевский эколого-культурный центр, 2002. С. 44.

и крики животных при физическом воздействии на них, для него они все равно остаются бесчувственными механизмами³.

Позиция Декарта и его отношение к животным как механизмам значительно повлияли на научную сферу и общество, в следствии чего многие ученые называли себя картезианцами и таким образом, освобождаясь от угрызений совести могли проводить абсолютно любые эксперименты над животными. Декарт активно поддерживал эксперименты над животными и нередко проводил их самостоятельно, чтобы пополнить знания о физиологии. Влияние теории Декарта отразилось в том числе и на ветеринарных клиниках, до 1980-х годов врачи там не использовали анестезию и обезболивающие средства для животных, ветеринаров намеренно обучали игнорировать боль животных при операциях.

Такое отношение к животным в обществе оставалось практически неизменным вплоть до 1980-х годов. Именно в этот период возникает современное движение в защиту прав животных, в котором стоит выделить два основных подхода: утилитарный Питера Сингера и правовой подход Тома Ригана. Основное различие между правовым подходом и утилитарным заключается в критерии этичности того или иного поступка. Для утилитаризма характерна ориентация на последствия какого-либо действия. Правовой же подход Ригана близок к деонтологической этике, согласно которой поступок этичен или же не этичен, вне зависимости от его последствий⁴. В пример можно привести отношение ко лжи в деонтологизме и утилитаризме: для деонтологической этики ложь в принципе неприемлема, в то время как в утилитаризме ложь плоха из-за того, что из-за нее кто-то может пострадать.

Вторым важным различием этих подходов является отношение к праву. Для Сингера животные не обладают естественными правами. Вместо этого он развивает концепцию, основанную на последствиях действий, критерием правильности поступка выступает соблюдение первостепенной потребности, такой для Сингера является потребность избежать боли. Таким образом, если существо нечеловеческой природы способно испытывать боль, значит у него есть потребность ее избежать, а раз есть такая потребность, то она равна для Сингера сходной потребности человека. Любые страдания равны между собой, не важно испытывает их человек или же животное. Также нет иерархии между ними, страдание человека не важнее страдания животного.

---

³ Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 20-25.

⁴ Анисимов А. П. О некоторых философских и правовых аргументах в пользу новой концепции прав животных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. С. 124-125.

Для Ригана же животные обладают естественными правами и моральным статусом из-за своей индивидуальной ценности, которая не зависит от человека, он называет их «субъектами жизни». Риган отмечает, что права быстро меняются и скоро настанет тот момент, когда люди и животные будут равны. Риган характеризует отношения между человеком и животными как эксплуататорские, так как у животных есть свои природные цели и право на их реализацию⁵. Люди должны отказаться от употребления в пищу продуктов животного происхождения, также должна быть запрещена охота, животное не должно являться частной собственностью человека, за некоторым исключением животных компаньонов.

Как уже было сказано выше утилитаризм Сингера основан на равенстве первостепенных потребностей человека и животного. Сингер является создателем термина «спесицизм», который означает превосходство одних живых существ над другими, в данном контексте человека над животными. Для Сингера спесицизм имеет ту же природу что расизм и сексизм, потому что все три понятия обозначают неравенство и принижение интересов какой-то группы. В случае расизма неравенство возникает из-за столкновения представителей разной расовой принадлежности, сексизм подразумевает превосходство одного пола над другим, а спесицист ставит интересы своего вида (человека) выше интересов других видов, то есть животных.

Главный постулат Сингера заключается в том, что не существует никакого основания ставить интересы человека выше интересов животного. При этом стоит отметить, что Сингер не подразумевает одинаковое обращение к человеку и животному, безусловно у них разные интеллектуальные способности. Но потребности человека и животного одинаковы – они хотят избежать боли. Совершенно любое животное падая, старается предотвратить это или же уменьшить последствия настолько насколько это возможно, тоже самое и человек, он всеми силами будет пытаться избежать боли. Если же они упадут, то и человек, и животное будет испытывать страдания. Камень же не стремится никак избежать падения, а если упадет, то ничего не испытает⁶.

---

⁵ Риган Т. В защиту прав животных. К.: Киевский эколого-культурный центр, 2004. С. 50-64.

⁶ Сингер П. Освобождение животных. С. 10-17.

Таким образом, если существо обладает способностью испытывать боль, то у него и появляется потребность с ней не сталкиваться, а потребности человека и животного, как полагает Сингер, равны между собой. Сингер ставит задачу обосновать то, что животные способны испытывать боль. Безусловно, позиция научного сообщества со времен Декарта сильно изменилась, и, вряд ли, кто-то уже скажет, что животное не испытывает боль при нанесении ему физического урона. В доказательство того, что животные испытывают боль, Сингер ссылается на работы ученого Ричарда Сержанта, в которых он подробно разбирает

вопрос чувствительности животных. Нервная система животных и сложность их мозга практически сходна человеческой, так позвоночные млекопитающие испытывают больше также, как и человек, возможно животное чувствует все даже сильнее из-за сильно развитых органов чувств⁷.

Таким образом, Сингер аргументирует свою основную посылку о том, что животные чувствуют боль не менее, а может быть даже более ярко, чем человек, а значит, человек не должен причинять животным боль, так как они равны.

Также ключевым моментом для Сингера является то, что равенство между человеком и животным должно базироваться на морали, а не на интеллекте, очевидным является факт, что человек сильнее развит, чем животное, у него есть культура и язык. Но если существо не может говорить, то это не значит, что оно ничего не испытывает. Будь то человек или животное, если

⁷ Singer P. Do Animals Feel Pain? NY: Avon Books, 1990. P. 10-12

существо не способно пошевелиться, кричит и корчится, то такое поведение стоит идентифицировать как страдание, вне зависимости от того умеет существо разговаривать или нет.

Так, Сингер развивает концепцию о том, что животное стремится избежать того же, чего и человек. Сингер обвиняет человека в том, что он использует животное для удовлетворения своих потребностей, как гастрономических, так и производя из них одежду, различные аксессуары. Из-за прихоти человека животное страдает всю жизнь. Сингер полагает, что отказ от использования животных и их освобождение позволят человеку стать лучше в этическом плане, возвысят его, он станет жить более осознанно. И в результате к освобождению придут не только животные, но и человек от своего варварства и невежества.

Стоит еще раз обратить внимание на различие подходов Ригана и Сингера. Последний в большей степени занимается продвижением улучшений отношения человека к животному. Однако с позиций утилитаризма, которых придерживается Сингер, в случае опасности от животного, человек должен защитить свою жизнь. Этика же Ригана более категорична и имеет связь с понятием долга у Канта. «Какую бы этическую теорию мы рационально ни применяли, она, по крайней мере, должна признавать, что мы имеем прямые обязанности перед зверями, точно так же, как мы имеем некоторые обязанности напрямую перед людьми»⁸. Стоит также предположить, что убийство животного как и человека является недопустимым для Ригана. К животному следует относиться всегда как к цели, и никогда как к средству. Этическая концепция Ригана, как я представляю, является более идеалистической и труднодостижимой.

Для Ригана и животное, и человек являются «субъектами жизни». Этих «субъектов» определяет то, что у них есть сознание, то есть они способны помнить свой прошлый эмпирический опыт, а также понимают, что является благом, а что нет⁹. Так, например, любая собака помнит о наказании, если она сделала что-то не так; или же если собаку бросили, а затем подобрали, то она тоже помнит о том, как тяжело ей было жить одной на улице, а с хозяином у нее есть все, что ей нужно. Следовательно, у животных есть чувство прошлого и настоящего, они понимают, что является для них благом, а что нет. Концепцию Ригана также определяют как «зооиндивидуализм».

---

⁸ *Regan T.* The radical egalitarian case for animal right // *Environmental ethics* / ed. L. Pojman. Boston-London: Jones and Bartlett Publishers, 1994. P. 40-47.

⁹ *Риган Т.* Звери правы, люди не правы // Борейко В. Прорыв в экологическую этику. К.: Киевский эколого-культурный центр, 1999. С. 86-110.

Из-за наличия у животных сознания Риган присваивает животным права. В категории «субъекты жизни» Риган проводит некоторое разделение на «агентов морали» и «пациентов морали». Первые – это взрослые люди, которые способны сформулировать моральные принципы и определить правильность или неправильность поступка. Вторые – животные и младенцы. Мораль на них тоже должна распространяться, однако, они не способны об этом говорить, но это не отрицает их ценности¹⁰. Поэтому ни взрослый человек, ни ребенок, ни животное не должны быть средством, а только целью.

Помимо, описанных в данной работе этических концепций, существуют и другие теории защищающие права животных, но также есть и критика, ее тоже немало. Я остановлюсь лишь на ключевых моментах. Многие критики говорят, что животные не могут обладать моральным статусом, а также потребностями, так как в их мире нет этики и культуры, если у них будут права, то должны быть и обязанности. Равенство должно быть не только этически обосновано, но также подкреплено фактами.

Несмотря на то, что дискуссия по поводу морального статуса животных не завершена, все же прогресс в более этичном отношении к ним сильно заметен. В большинстве школ права США и Канады преподается законодательство о животных. Также в университетах тема отношения к животным включается в курсы по философии и этике. В ряде стран запрещены жестокие формы обращения с животными. Появляются законы, регламентирующие обращение с животными, также создаются различные фонды по защите животных: PETA (People for the Ethical Treatment of Animals), ALDF (Animal Legal Defense Fund), IDA (In Defense of Animals) и прочие. В связи с распространением практики этичного отношения к животным, производители косметических средств и бытовой химии стараются не тестировать свою продукцию на животных, а также некоторые не используют при изготовлении продукты животного происхождения. Подобные средства имеют специальную маркировку, чтобы потребитель мог их легко узнать.

Подводя итог, стоит отметить, что моральный статус животных в мире со времен Аристотеля и Декарта сильно изменился, как в нравственном, так и в правовом смысле. За последние десятилетия происходит смещение антропоцентрической модели мира, животное уже не является вещью или часовым механизмом как у Декарта. Учеными доказано, что животное испытывает страдания также остро, как и человек. Вследствие чего люди начинают

---

¹⁰ Риган Т. В защиту прав животных. С. 19-34.

задумываться о более этичном отношении к окружающему миру, в том числе и к животным. Все более популярным становится вегетарианство, общество понимает, что возможна альтернатива постоянной эксплуатации животных. Все это подкрепляется различными концепциями современных экофилософов. Безусловно, дискуссия о нравственном статусе животных не закончена, существенные изменения мы можем наблюдать уже сегодня.

Библиография

Анисимов А.П. О некоторых философских и правовых аргументах в пользу новой концепции прав животных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016.

Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.

Риган Т. В защиту прав животных. К.: Киевский эколого-культурный центр, 2004.

Риган Т. Звери правы, люди не правы // Борейко В. Прорыв в экологическую этику. К.: Киевский эколого-культурный центр, 1999.

Сингер П. Освобождение животных. К.: Киевский эколого-культурный центр, 2002.

Тере Л. Учение Пифагора о пище // Вегетарианское обозрение. 1910.

Regan T. The radical egalitarian case for animal right // Environmental ethics / ed. L. Pojman. Boston-London: Jones and Bartlett Publishers, 1994.

Singer P. Do Animals Feel Pain? NY: Avon Books, 1990.

Концепция обозначающего и отсылочного употребления определенных дескрипций Кейта Доннелана

Ксения Жеребцова

Кейт Доннелан – аналитический философ из Соединенных Штатов Америки, который большую часть своей жизни занимался вопросами, связанными с именами собственными и с определенными дескрипциями.

Тезис, который Кейт Доннелан выдвигает на основе изученных теорий Бертрانا Рассела и Питера Фредерика Стросона, заключается в том, что определенная дескрипция имеет две возможных функции. С одной стороны, она отсылает к тому, что хотел сказать говорящий, но также имеет иное выражение. То есть определенная дескрипция в одинаковых предложениях может функционировать по-разному, в зависимости от обстоятельств употребления. Отказ учитывать эту двойственность, справедливо замечает философ, затемняет подлинное значение употребления определенной дескрипции.

Позиция Б. Рассела и П. Стросона

Рассмотрим позицию Бертрана Рассела. В его теории определенная дескрипция может означать объект. Если «А» – обозначающая фраза/ определенная дескрипция, то может существовать «Х» – единичный объект. Тогда получается, что для этого единичного объекта выражение «Х есть А» будет являться истиной, а значит, объект «Х» есть обозначение фразы «А». Таким образом, у Рассела обозначен один тип связи между объектом и употреблением определенной дескрипции, одна функция дескрипции – функция обозначения, «denoting use».

Но как стоит рассматривать те определенные дескрипции, которые не обозначают объект напрямую, а лишь ссылаются на него? Кейт Доннелан, критикуя теорию дескрипций Рассела за неполноту, выделяет еще одну функцию определенной дескрипции – «referential use», которая позволяет указывать на объект посредством ссылки на него.

Рассмотрим теорию Питера Фредерика Стросона. В отличие от Рассела, он выделил вторую функцию, но не увидел, что определенные дескрипции могут и не использоваться в качестве отсылки к чему-либо в одном и то же предложении. Критика Доннелана заключается в том, что для Стросона «ссылочное употребление» является лишь функцией такого типа предложений, в которых это употребление имеет место. Однако Доннелан настаивал на том, что есть два возможных варианта употребления определенной дескрипции в одном

Обозначающее и отсылочное употребление определенных дескрипций...

предложении. Согласно Стросону, выражение вида «Республиканский кандидат в президенты в 1968 году будет консерватором» (где «Республиканский кандидат в президенты в 1968 году» – субъект, а «будет консерватором» – предикат) – это пример «ссылочного употребления», так как выражение «Республиканский кандидат в президенты в 1968 году», будучи определенной дескрипцией, так же является субъектом в субъектно-предикатном предложении. Но безотносительно конкретного случая, по мнению Доннелана, нельзя утверждать, что эта определенная дескрипция есть субъект и пример «referential use».

Убежденность Стросона в этом тезисе исходит из выдвинутого им и Расселом предположения относительно функционирования определенной дескрипции: мы можем понять, как функционирует определенная дескрипция независимо от повода/обстоятельств, в связи с которыми она используется.

«Упоминание» или «отсылка» – это не то, что делает выражение, а то, что может использоваться в качестве «выражения, чтобы сделать». Следовательно, это означает отрицание радикальной точки зрения, согласно которой подлинное отсылающее выражение имеет референта и имеет также функцию отсылки независимо от контекста использования выражения. Отрицание этой точки зрения не приводит к тому, что определенная дескрипция не может быть определена как «отсылающее выражение» в предложении, если это предложение не используется.

Так как мы можем говорить о функции объекта, который не являет себя в момент демонстрирования своих функций, то мнение Стросона, по идее, позволяет нам говорить об отсылающей функции определенной дескрипции в предложении, даже если эта функция в настоящий момент не проявляется. Однако Доннелан называет эту логическую цепочку ошибочной.

Кейт Доннелан: способы использования дескрипций

Философ выделяет два способа использования дескрипций – *attributive/denoting* и *referential*:

1. Определенная дескрипция используется атрибутивно в утверждениях, в которых о чем-то/о ком-то говорится/высказывается. [Выражение: «Убийца А. ненормальный». Определенная дескрипция используется в связи с обстоятельствами убийства, а не имеет в виду конкретного человека].

Обозначающее и отсылочное употребление определенных дескрипций...

2. Определенная дескрипция используется в качестве ссылки на утверждение; аудитория при этом сама выбирает, о ком/о чем говорит человек, сама высказывается о предмете речи. [Выражение: «Убийца А. ненормальный». Использование определенной дескрипции основывается на поведении человека В, которого подозревают в убийстве А; аудитория сама делает тот же вывод, что и говорящий, узнав поведение В].

Ошибка Рассела и Стросона. Критика ошибки Доннеланом

Бертран Рассел учитывает *attributive/denoting use*, пропуская *referential*. Что касается Стросона, то он выделяет два способа использования дескрипций, но упускает из вида, что ссылочное использование определенной дескрипции происходит успешно, даже если нет объекта, подходящего под описание (т.е., Стросон учитывает *referential use* правильно лишь частично).

По мнению Рассела и Стросона, если нет объекта, который бы подходил под дескрипцию, то ее истинностное значение ставится под сомнением (если нет «А», выражение «А есть В» для Рассела будет ложью, для Стросона – не истиной, не ложью). Но, говорит Доннелан, можно, используя *referential use*, сказать, что «А есть В» – истина, даже если «А» нет.

Таким образом, ключевой идеей Кейта Доннелана становится мысль о том, что человек может быть успешен в отсылке к чему-то, когда использует дескрипцию, которая не корректно описывает ту вещь, на которую ссылается этот человек.

Функции определенной дескрипции и основание для их различия

Доннелан, характеризуя две функции определенной дескрипции, частично соглашается и с Расселом, и со Стросоном. Он говорит о том, что *denoting/attributive use* (обозначение) – это определенная дескрипция, и она обозначает объект, если он однозначно подходит под описание (определение Рассела). При таком использовании обозначается выражение. *Referential use* (отсылка) – это связь между говорящим и вещью, которую он имеет в виду (точка зрения Стросона). Но каким является это различие для американского философа – семантическим или прагматическим? Если различие семантическое, то необходимо выделять два разных значения предложений с дескрипциями. Если прагматическое, то существует два варианта использования дескрипций, в которых может быть использовано одно предложение с одним значением.

Вообще, говорит Доннелан, вопрос различия этих использований зависит от намерения говорящего, а не от однозначности значений слов, а значит, это прагматическая

Обозначающее и отсылочное употребление определенных дескрипций...

двусмысленность. Попытаемся трактовать различие, выделенное Доннеланом, с помощью теории Рассела.

Доннелан ссылается на Яакко Хинтикку, который писал, что Расселу не хватило ясной реализации идеи о том, что различие действует только в ситуациях, которые регулируются пропозициональными установками или иными условиями модальности. То есть, выражение «Убийца А. Ненормальный» – однозначное предложение, но, если появляются психологические установки или отношение к содержанию высказывания, то появляется и двусмысленность: «D. утверждает, что убийца А. ненормальный» (далее – предложение 1).

Чтобы выделить «атрибутивное» использование дескрипции «убийца А.», нужно задать узкие рамки в предложении 1: во – первых, надо рассмотреть дескрипцию «убийца А.» как имеющую второй, равнозначный первому, смысл; во – вторых, рассмотрение следует производить в контексте; в – третьих, исходя из двух посылок – «D. утверждает, что «ненормальный» и «убийца А.» – это один и тот же человек», следует, что «убийца А.» имеет второй смысл – «ненормальный». Таким образом, «ненормальный» - это «атрибут» дескрипции «убийца А.».

Чтобы выделить «отсылочное» использование дескрипции «убийца А.», нужно задать широкие рамки в предложении 1:

- 1) Надо рассмотреть дескрипцию «убийца А.» как имеющую первичный смысл;
- 2) Рассмотрение должно быть безотносительно психологического контекста и пропозиционального оператора отношения «D. утверждает»;
- 3) «С уважением к убийце А. – D утверждает, что «убийца А.» ненормальный», то есть, есть только один человек, который убил А, и он, по мнению D, ненормальный.

Принятие этого пути означает, что говорящий вынужден согласиться с D. относительно убийцы А. Но ведь говорящий может и не верить в то, что есть уникальный убийца А., а получается, что он делает прямую отсылку к В (даже если не заявляет напрямую, что «убийца А. есть В.»). Значит, мы должны гарантировать эту определенную отсылку без представления говорящего как человека, который разделяет отсылку D. к В. как к убийце А.

Есть и другой способ выделения «отсылочного» использования дескрипции «убийца А.»:

- 1) Говорящий делает отсылку к В., но нужно, чтобы этот говорящий воспринимался только как транслятор мысли D. относительно личности убийцы В.

Обозначающее и отсылочное употребление определенных дескрипций...

2) «С уважением к человеку, которого D. имеет в виду, говоря об «убийце А.», D. утверждает, что он ненормальный».

Это использование дескрипции гарантирует отсылку к определенному объекту без соединения точек зрения говорящего и D., но оно не объясняется чисто синтаксически. Как осуществляется переход от «убийца А.» к «человек, которого D. подразумевает под убийцей А.»? Обычно, если дескрипция употребляется как упоминание (referential use), то говорящий отсылает к объекту, который, как он верит, единственно подходит под описание дескрипции («Убийца А. есть В.» отсылается к «Я говорю, что человек, который, как я думаю, является убийцей А., это В.»).

Но в повседневной жизни «Убийца А. есть В.» и «Человек, который, как я думаю, является убийцей А., это В.» – одно и то же (пример с убийством может показаться не таким очевидным, как следующий: «Моя мама красивая» и «Мама, которая, как я думаю, является моей, красивая»). Поэтому отсылочное употребление в его второй трактовке используется довольно редко и не может объясняться исключительно синтаксически – может быть, есть все же и семантический аспект.

Библиография

Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. Vol. 75. 1966. No. 3.

Donnellan K.S. Speaker Reference, Descriptions, and Anaphora // *Syntax and Semantics*: Vol. 9.

Pragmatics. NY: Academic Press, 1978.

Теория Ноама Хомского о врожденной способности к языку

Анастасия Морозова

Дискуссия о том, имеется ли у нас какое-то врожденное знание или оно все приобретенное, имеет давнюю историю. Этот спор между рационалистами и эмпириками – ключевой для новоевропейской философии, получил новую актуализацию в середине XX века, когда произошла так называемая «хомскианская революция», заставившая пересмотреть господствующий тогда подход бихевиористов к усвоению языка и возродившая интерес к «врожденным идеям».

Ноам Хомский скептически относился и к идее о том, что естественный отбор может объяснить возникновение языка. «Разумеется, невозможно допустить, что каждое свойство проходит специфический отбор. А в случае с такими системами, как язык... нелегко предположить такой ход отбора, который мог бы сообщить им развитие»¹. «Языковая способность» («*language acquisition device*»), по его мнению, не могла формироваться поэтапно.

Чтобы лучше понять теорию о врожденной способности к языку Хомского, стоит сначала рассмотреть бихевиористский подход. Американский психолог Беррес Скиннер в 1957 году в книге «Вербальное поведение» одним из первых научно объяснил процесс усвоения языка детьми. Он утверждал, что главный влияющий на изучение детьми языка фактор – воздействие окружающей среды². Дети учат язык, основываясь на принципах бихевиористского подкрепления, связывая слова со значениями. Правильные выражения лучше работают, когда ребенок понимает коммуникативную ценность слов и фраз. Например, когда он говорит слово «сок», а папа в ответ даст ему стакан сока, то ребенок воспримет итог этого взаимодействия как вознаграждение, и далее это будет улучшать языковое развитие ребенка. Не желая принимать ментальное как ненаучное, Скиннер утверждал, что знание языка – это владение определенным набором поведенческих диспозиций: диспозиции говорить и диспозиции делать определенные вещи в ответ на высказывания других людей и положение вещей в окружающем мире.

Он объясняет усвоение языка детьми в терминах оперантного поведения – поведения, имеющего некоторое воздействие на окружающий мир и возникающее в результате

---

¹ Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972.

² Skinner B. Verbal Behavior. NY: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1957.

столкновения человека с решением жизненных задач. «Скиннер, – отмечают Хьелл и Зиглер, – установил, что процесс формирования поведения обуславливает развитие устной речи. Для него язык – это результат подкрепления высказываний ребенка, представленных первоначально вербальным общением с родителями, братьями и сестрами»³. Дети получают вознаграждения или наказания за построенные лингвистические конструкции, и их диспозиции вербального поведения постепенно начинают активнее взаимодействовать с языковым сообществом, в котором они находятся. Понимание, по Скиннеру, – способность совершать нужное действие в ответ на стимул.

Американский философ Уиллард Куайн также придерживался точки зрения бихевиористов. Он считал, что все внешние нам вещи становятся знакомыми только благодаря их воздействию на нас. «Критик, выступая от имени сообщества, одобряет произнесение субъектом предложения «Красное», если он видит субъекта и наблюдаемый им объект и находит, что объект действительно красный»⁴.

Теория бихевиористов не отвечала на большое количество вопросов со стороны лингвистов, вследствие чего была подвержена критике. Главным ее противником стал американский лингвист Ноам Хомский, с именем которого связывают «революцию» в изучении усвоения языка.

Хомский проявил интерес к бихевиористской теории и привел свои контраргументы. В 1959 году вышла его рецензия на книгу Скиннера «Вербальное поведение», в которой он начал свой спор с бихевиористами. Во-первых, Хомский был не согласен с тем, что освоение языка обусловлено только влиянием окружающего мира. Язык независим от него. Мы можем говорить вещи, которые раньше не слышали, и совершать поступки, которые раньше не делали или не были им научены. Также усвоение языка не подразумевает наличия каких-либо поведенческих диспозиций. Язык содержит в себе определенные синтаксические, прагматические и семантические знания. То, что мы говорим или делаем в тех или иных ситуациях, то, как мы реагируем на слова или действия других людей – все это результат непростого взаимодействия наших убеждений, знаний и желаний насчет происходящего и работы языка. Главной ошибкой Скиннера, по мнению Хомского, было то, что он отрицал

---

³ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 107.

⁴ Куайн У. Слово и объект. М.: Практикс, 2000. С.10.

наличие в языке знания языковых правил и конвенций. Следующее, с чем категорически был не согласен Хомский, это то, что освоение языка основано на тренировке. По его мнению, ребенок может овладеть языком без помощи взрослых⁵. Также Хомский не совсем понимал связь поведенческих диспозиций и формирование большого диапазона лингвистического поведения людей.

Хомский выдвинул теорию, которая утверждала, что дети рождаются с определенным набором грамматических правил. Он назвал это Универсальной грамматикой. Универсальная грамматика – концепция, которая описывает фундаментальные свойства каждого естественного языка. «Обычно человек не осознает тех правил, в соответствии с которыми осуществляется интерпретация предложений в языке, который он знает; и, в сущности, нет причин предполагать, что эти правила могут стать осознанными. Более того, нет причин ожидать, что он будет осознавать даже эмпирические последствия этих усвоенных (internalized) правил – то есть тот способ, каким сигналам приписываются семантические интерпретации согласно правилам грамматики языка, который он знает (и, по определению, знает в совершенстве)»⁶.

В книге «Аспекты теории синтаксиса»⁷ Хомский представлял процесс усвоения языка, главным образом, как операцию формулирования и проверки гипотез грамматики языка. Для овладения правильной грамматикой, ребенок на врожденном уровне должен знать лингвистическую теорию, которая будет определять форму грамматики возможного человеческого языка. Врожденная универсальная грамматика включает в себя 1) способ анализа и обозначения входящих лингвистических данных; 2) ряд лингвистических понятий, которые формулируют грамматические гипотезы; 3) строгий набор ограничений на гипотезы, доступные для рассмотрения. Данная модель представляла ребенка как «маленького ученого», быстро выявляющего грамматические правила. Врожденная грамматика стала рассматриваться как четко сформулированный ряд существующих грамматических принципов, который также должен позволять некоторые вариации, так как все мы говорим на разных языках.

---

⁵ Chomsky N. Review of Skinner's *Verbal Behavior* // *Language*. 1959. No. 35. P. 39.

⁶ Философия языка / Ред.-сост. Сёрль Дж. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 102.

⁷ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета, 1972.

Сам термин «способность к усвоению языка» (Language Acquisition Device) впервые был предложен Хомским в 1960-х годах. Он подразумевает наличие у детей бессознательных умственных способностей, которые дают им возможность освоить язык. Иначе говоря, утверждает тот факт, что языковая способность является врожденной. Главным аргументом в пользу врожденной способности к языку является «бедность стимула». То есть, если бы дети не имели определенного врожденного набора грамматических правил, то процесс усвоения языка был бы не таким быстрым и простым. Это связано с тем, что «на входе» дети получают слишком маленький объем лингвистической информации. «Представляется ясным, что усвоение языка базируется на обнаружении ребенком того, что с формальной точки зрения является глубинной и абстрактной теорией – порождающей грамматикой языка, многие из понятий и принципов которой весьма отдаленно соотносятся с опытом через посредство длинных и сложных цепочек бессознательных выводоподобных операций»⁸. Например, для того чтобы приобрести нужный набор положений, касающихся слова «дом», можно было бы пройти обучение, содержащее огромное количество предложений с этим словом. Хомский утверждал, что склонность использовать слово «дом» – это семантические и синтаксические знания. Процесс усвоения языка не может даже частично быть следствием наличия диспозиции относительно слова «дом». Обучающий набор, к которому дети имеют доступ, просто слишком ограничен: он не содержит достаточного количества нужных образцов⁹.

Структура некоторых языков во многих аспектах может зависеть от таких факторов, над которыми человек не имеет сознательного контроля. Так и ребенок не может не производить какую-либо грамматику для объяснения представленных ему данных. То есть обширные знания грамматики – это не следствие полученного опыта, а претензия на то, что человек обладает врожденной способностью к языку. В теории принципов и параметров генеративисты предположили, что любые языки на глубинном уровне обладают одной и той же структурой, то есть, подчиняются одинаковым принципам, а различия обуславливаются определенными настройками параметров. Английский и японский языки, которые на первый взгляд сильно отличаются друг от друга, имеют общие принципы построения грамматики. Разница между этими языками задается определенными параметрами, которые можно менять. Например, параметр нулевого подлежащего в каждом языке имеет две установки: подлежащее

---

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Chomsky N. Opus cit. P. 39.

обязательно (английский, французский) и подлежащее не обязательно (русский, итальянский). В русском языке мы можем просто сказать: «Работает», в то время как в английском необходимо наличие подлежащего: «It works». Если кажется, что вполне можно обойтись без него, в английском языке подлежащее все равно ставится, даже если не несет особого смысла.

Нейрофизиологи из Нью-Йоркского университета провели эксперимент, который, как они полагают, подтверждает теорию Хомского о врожденной языковой способности.¹⁰ Они отобрали две группы людей: первая – люди, владеющие только английским, вторая – люди, владеющие только китайским. Каждому из испытуемых давалось послушать четыре вида записи: первый – отдельные слова, второй – осмысленные словосочетания, третий – грамматически корректные предложения, четвертый – предложение на незнакомом для испытуемых языке (на английском для китайцев и наоборот). Записанный материал содержал как абстрактные, но грамматически правильно построенные предложения, так и осмысленные.

Запись была произведена таким образом, что диктор интонационно никак не выделял синтаксические структуры. Во время прослушивания, ученые следили за показаниями магнитоэнцефалографии, которая измеряла магнитные поля, появляющиеся вследствие электрической активности мозга во время обработки внешних или внутренних стимулов. Как оказалось, есть три вида паттернов электрической активности мозга: для последовательностей отдельных слов, словосочетаний и предложений. Они смешиваются в процессе взаимодействия с обычной речью, однако с помощью экспериментов их можно выделить, чтобы лучше понять структуру каждого. В ситуации, когда человек слышит абстрактное, но грамматически правильное предложение, срабатывает тот же паттерн, что и при прослушивании осмысленного предложения. То есть, наш мозг одновременно обрабатывает информацию о словах, их связях и общих грамматических структурах. В проведенном эксперименте было выявлено, что мозг испытуемых реагировал на осмысленные предложения на незнакомом языке тем же паттерном, что и на грамматически несвязанные слова на родном.

В исследовании, приведенном выше, использовалось предложение, написанное Хомским в работе «Синтаксические структуры» (1957): «Бесцветные зеленые идеи яростно спят»¹¹. Хотя это предложение и бессмысленно, но, поскольку грамматически в нем все верно, мы

---

¹⁰ *Ding N., Melloni L., Zhang H., Tian X., Poeppel D.* Cortical tracking of hierarchical linguistic structures in connected speech // *Nature Neuroscience*. 2015. № 19. P. 158-164.

¹¹ *Хомский Н.* Синтаксические структуры // *Новое в лингвистике* (вып. 2). М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 412-527.

Теория Ноама Хомского о врожденной способности к языку

распознаем его как правильное. Как считает Хомский, это происходит потому, что в мозге есть «языковой орган», помогающий различать слова и грамматические структуры речи.

Конечно, нельзя утверждать, что данный эксперимент является хорошим подтверждением теории Хомского о врожденной способности к языку: исследование проводилось в диапазоне всего двух языков. Несмотря на то, что Хомский утверждал наличие у человека врожденной Универсальной грамматики, охватывающей все естественные языки, данный эксперимент не дает твердых оснований верить этой теории. Полученные результаты подтверждают лишь существование некоторых общих нейрофизиологических механизмов для обработки грамматики у носителей разных языков.

Сегодня многими когнитивистами и лингвистами проводятся исследования, результаты которых опровергают теорию Хомского. Ученые сходятся во мнении, что детям для освоения языка не требуется наличия никакой врожденной способности и универсальной грамматики. Мыслительные способности детей вкупе с умением понимать, что другие люди хотят до них донести, дают возможность языку полноценно функционировать. Грамматические структуры появляются в процессе исторического развития и как следствия получения социальных и когнитивных способностей.¹²

Так каким же образом происходит усваивание первого языка у детей? Этот вопрос до сих пор остается открытым и порождает множество дискуссий в научном мире. Понимание принципов этого процесса еще не приобрело зрелый вид. На мой взгляд, на данный момент теория Хомского является главной, так как Хомский и его последователи подкрепляют ее хорошими аргументами. Проведенные исследования для подтверждения этой концепции дает ей все шансы стать эмпирически обоснованной в будущем.

---

¹² *Ibbotson P., Tomasello M. Evidence Rebutts Chomsky's Theory of Language Learning // Scientific American. September, 2016.*

Библиография

- Куайн У.* Слово и объект. М.: Праксис, 2000.
- Философия языка / Ред.-сост. Серль Дж. М.: Едиториал УРСС, 2010.
- Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета, 1972.
- Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике (вып. 2). М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997.
- Chomsky N.* Review of Skinner's *Verbal Behavior* // *Language*. 1959. № 35.
- Ding N., Melloni L., Zhang H., Tian X., Poeppel D.* Cortical tracking of hierarchical linguistic structures in connected speech // *Nature Neuroscience*. 2015. № 19.
- Ibbotson P., Tomasello M.* Evidence Rebutts Chomsky's Theory of Language Learning // *Scientific American*. September, 2016.
- Skinner B.* Contingencies of reinforcement: a theoretical analysis. NY: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1969.
- Skinner B.* *Verbal Behavior*. NY: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1957.

Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Ф. Шуберт. Экспромт № 1 in C-moll. Op. 90.

Евгения Минина

Прослушать: https://www.youtube.com/watch?v=QDVJkxGz_Tc

Среди всего многообразия видов искусств положение музыки уникально. Музыкальная материя, с которой имеют дело исполнители и композиторы, настолько тонкая и эфемерная материя, что для нее нельзя сразу же подобрать подходящее определение, но говорить о том, что ее нет вовсе, было бы поспешным и ошибочным суждением, ибо влияние этой материи на человека, его чувства, мысли и расположение духа отрицать невозможно. Интересна мысль Артура Шопенгауэра: «Музыка – это непосредственная объективация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, множественное явление которых составляет мир отдельных вещей»¹. Музыка способна передать малейшие душевные движения человека, но она делает это вне страдания и смятения, и это завораживает в ней. Музыка в некотором роде созвучна миру явлений, но при этом бесконечно оторвана от них, она не знает волнений и тревог реальности. Поэтому говорить о музыке всегда сложно, ибо слово – очень неточный инструмент, который не способен передать всю полноту и насыщенность, содержащуюся в музыкальном звуке. Но, за неимением иного средства, в этом эссе мы попробуем изложить ряд настроений и идей, навеянных музыкальным произведением. Для этих целей нами было выбрано произведение для фортепиано Франца Шуберта *4 Impromptus, Op. 90, D. 899 – No. 1 in C Minor*, увидевшее свет в 1827 году.

Франц Шуберт – один из выдающихся представителей романтического направления в музыке, и именно поэтому для него так характерны обращения к личности, к ее переживаниям и страстям, тревогам и сомнениям, что выражается, как нам кажется, в особой музыкальности. Возможно, благодаря гуманистической окраске во вновь и вновь повторяющейся с самого начала музыкальной теме слышится человеческий голос. Поначалу он не уверен и одинок, как ребенок, который впервые отправляется за пределы родного дома один навстречу огромному и такому незнакомому миру на рассвете только-только зачинающегося дня. Начало музыкального фрагмента окрашено робкими нотками шагов по еще влажной от росы луговой

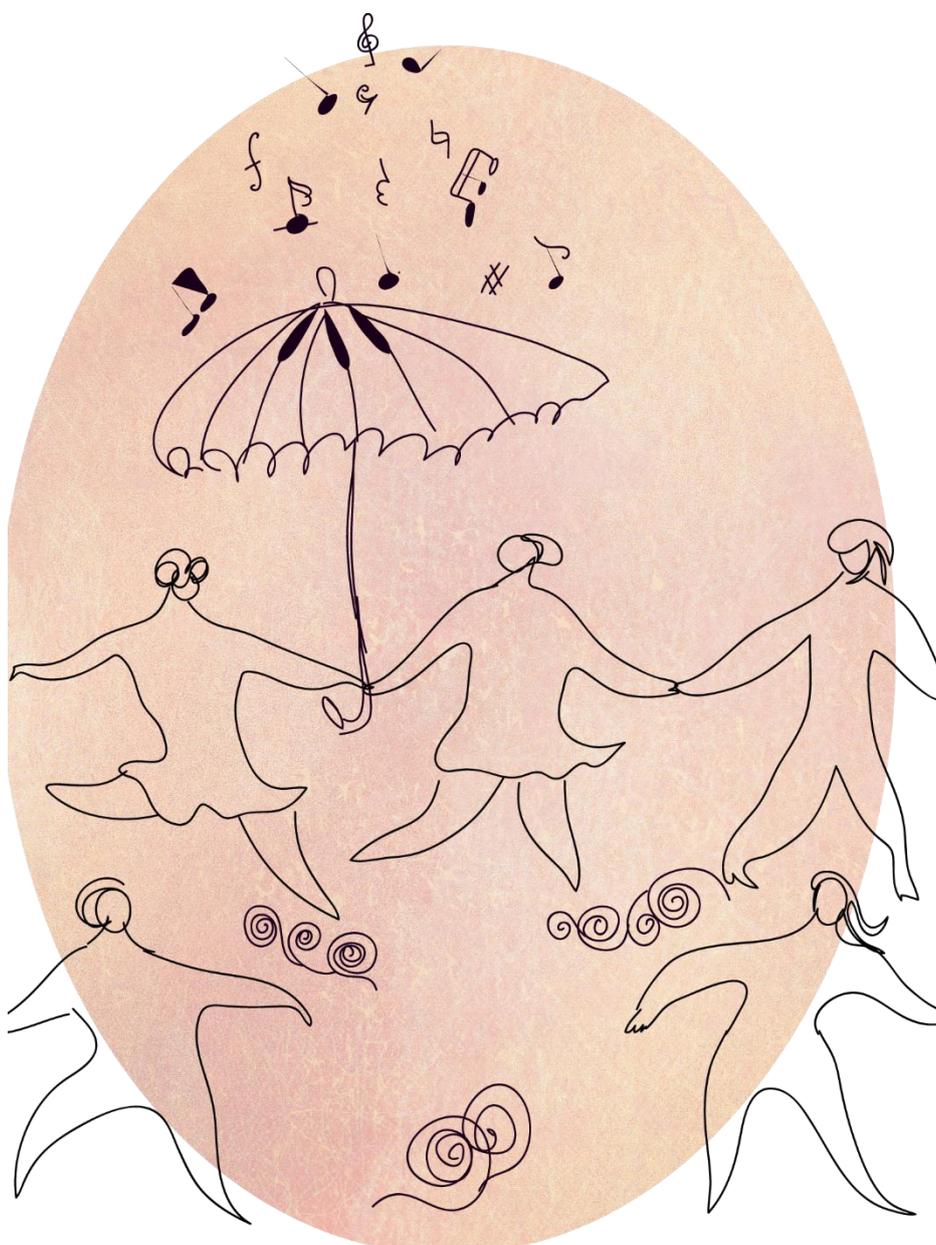
¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. С. 224.

Ф. Шуберт. Экспромт № 1, in c-moll, op. 90. #1.

зелени, с которой звонко падают капли от резвых движений взволнованного наступлением нового дня мальчика. Он поднимается вприпрыжку на холм, с которого открывается вид на небольшую немецкую деревушку. На холме он видит еще одного ребенка и в изумлении вздрагивает, что, как мне представляется, можно услышать примерно на 1:04 записи произведения. Странно, что два незнакомых существа встретились на этом живописном холме в это утро. Благодатью или магической силой их призвало это место? Неизвестно. И мысль об этом не покидает мальчика, ведь один раз испытав присутствие тайны самого бытия, он уже видит мир по-иному, нежели раньше, ищет в нем смысл и свое предназначение, и его экзистенциальное

вопрошание, которое можно услышать в интервале между 1:20 и 1:57.

Но время неумолимо движется вперед, и вскоре перед нами уже не маленький мальчик, но молодой юноша, которого мы встречаем в очень ответственный и волнующий момент его жизни. Он покинул родительский дом и отправился в город, где все для него так ново и необычно. В музыке есть и другие голоса. Это незнакомые голоса горожан, среди которых оказался юноша. Они сливаются в едином

Ф. Шуберт. Экспромт № 1, in c-moll, op. 90. #1.

хоре. А, может быть, среди них звучит голос самого Шуберта или даже отголоски наших собственных мыслей и чувств? Определить точно не представляется никакой возможности, поэтому здесь будет уместно вспомнить слова Томаса Манна из романа «Доктор Фаустус»: «В искусстве, во всяком случае, субъективное и объективное скрещиваются, их нельзя различить, одно выходит из другого и приобретает характер другого, субъективное преобразуется в объективное и снова по воле гения воспаряет к спонтанности – “динамизируется”, как мы выражаемся, начинает говорить на языке субъективном»². Это можно сравнить с возвышенностью любовного чувства в духовном союзе любящих душ, что указывает на сродство подлинного искусства и любви.

Любовная линия, как нам кажется, имеет место и в произведении Шуберта. И этот сюжет можно отчетливо проследить, начиная примерно с 3:12 экспромта, что выражается в особой лиричности мелодии и некоторой мечтательности. Это светлые звуки первого юношеского чувства, которое наполняет героя энтузиазмом и чувством того, что для него в мире нет ничего невозможного. К сожалению, этой романтической истории не суждено продлиться долго, расставание неизбежно, что передает следующая часть произведения, в которой различимы ноты отчаяния, одиночества и неистовой тоски по утраченному. Это состояние достигает своего высшего развития в весьма эмоционально нагруженном и напряженно окрашенном фрагменте, который начинается с 4:45, где, как мне представляется, юноша в отчаянном неистовстве пытается воззвать к самому бытию, вопрошая его о смысле всего случившегося с ним и прося его открыть цель его существования. Неистовство чередуется с моментами успокоения в душе героя. Но бытие все так же молчаливо и не раскрывает юноше своих тайн.

Концовка произведения представляет нам новый образ героя. Это уже человек, проживший долгую жизнь. Мы встречаем его на знакомом нам живописном холме в его родной деревушке, где он предаётся воспоминаниям о своей жизни. Перед его внутренним взором проносятся фрагменты воспоминаний о его жизни. Уже прожитые им эмоции и чувства вновь ощущаются им со всей прежней силой, но они долетают до него откуда-то издалека, будто эхо чьей-то жизни. В созерцании природы его душа, наконец, находит свое успокоение. Пусть ему так и не удалось найти ответ на вопрос о смысле жизни, сейчас это совсем неважно. Он чувствует удивительное единение с природой и миром, которое приносит ему блаженное успокоение и

---

² Манн Т. Доктор Фаустус. М.: АСТ:Астрель, 2011. С. 226.

Ф. Шуберт. Экспромт № 1, in c-moll, op. 90. #1.

умиротворение. В этом состоянии мы покидаем его, оставив рассказ о дальнейшей судьбе героя незавершенным.

Прослушивание музыкального произведения очень сильно отличается от взаимодействия с любым другим видом искусства. В музыке мы имеем дело с эстетическим полем чистого звука, который, не обладая телесностью, все-таки имеет некий эфемерный и невесомый материал, который невозможно выразить ничем иным, нежели мелодией, а для словесной формы выразительности это и вовсе недоступно. Как пишет Фридрих Ницше: «Мировую символику музыки никоим образом не передашь, поэтому на исчерпывающий лад в слове, ибо она связана с исконным противоречием и исконной скорбью в сердце Первоединого и тем самым символизирует сферу, стоящую превыше всех явлений и предшествующую всякому явлению»³. Подводя итог, подчеркнем еще раз, что для подлинного восприятия музыкального произведения требуется особая настроенность на эстетическое созерцание, которое отходит от форм привычного рационального восприятия, открывая перед слушателями многогранный и бесконечно богатый мир чувственности и прекрасного, которое воспринимается не столько разумом, сколько иррационально. Только такое музыкальное восприятие способно возвысить человека до сферы идей, в которой он полностью растворяется, постигая настроения, эмоции и задумки великих композиторов.

Библиография

Манн Т. Доктор Фаустус. М.: АСТ:Астрель, 2011.

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999.

---

³ *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 78.

Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Ф. Шуберт. Экспромт № 1 in C-moll. Op. 90.

Георгий Семиглазов

Прослушать: https://www.youtube.com/watch?v=QDVJkxGz_Tc

Композиция начинается с девятисекундного звучащего баса, который в дальнейшем открывает пространство для последующей мелодии. Сразу же вспоминается Шопенгауэр с его теорией музыки, в которой значимая роль уделялась именно генерал-басу, являющему собой непосредственное «дрожание» воли, сопровождающее любое человеческое действие. Бас находится на фоне музыкальной композиции, сопровождая ее в большинстве частей, также как и воля, даже если она непосредственно не осознается, присутствует как ореол человеческих деяний. Поэтому, с самого начала произведения настраиваешься на пессимистически-тревожный лад, который характерен для шопенгауэровской философии.

Однако бас затихает. Мелодия переходит в высокие регистры, повторяется один и тот же торжественный мотив. Причем можно отметить, что тревожность полностью отсутствует, равно как отсутствует и претензия на пессимизм. Скорее, это музыка, претендующая на способность описывать идеальный мир, а не мир становящийся, наполненный человеческими страданиями.

Музыка размерена, в ней отсутствует спешка, скорее это божественное, нежели человеческое, созерцание мира. Высокие повторяющиеся ноты напоминают ритмическое мерцание божественных идей, к которым оказывается причастным и мир сотворенный. Таким образом, свет из области божественного проливается и на посюстороннее, делая его также совершенным, поскольку человеческие, быстро меняющиеся, страсти затихают под действием этой божественной силы.

На четвертой минуте мы можем услышать появление тревожных нот, которые явно вступают в противоборство с божественным сиянием. Само сияние становится чуть более тусклым. Это вновь появляется та самая шопенгауэровская воля, которая пытается сопротивляться гармонии и хочет отбросить человека от созерцания идеального Космоса. И это у нее не получается, поскольку божественное сияние, затихающее на секунды, вновь усиливается на моменте 4:10. Ближе к пятой минуте мы явно слышим борьбу и сопротивление воли, которая не хочет сдаваться нарастающей силе гармонии. Однако ее попытки не увенчаны успехом.

Ф. Шуберт. Экспромт № 1, in c-moll, op. 90. #2.

Воля стихает, мы вновь встречаемся с непосредственной областью чистого божественного, которое самодостаточно в своем совершенстве и которому нет дела до человеческих страданий, равно как и нет дела больше до страданий самому человеку, который стал причастен божественному свету.

В человеке присутствуют два типа желаний: с одной стороны, стремление к гармонии, с другой стороны, удовлетворение ненасытной воли. Поэтому человек не может постоянно находиться в состоянии гармонии. Созерцание божественных идей, способствующее избавлению субъекта от собственной субъективности, не может продолжаться вечно. 6:30: вновь появляются тревожные басовые ноты, которые напоминают человеку о его человечности, а субъекту об его субъективности, зовя его в мир Майи, без которой невозможно себе представить человеческое существование.

Однако божественный ритм и мотив повторяются уже в басу, 6:50. Это значит, что человек сумел причаститься божественным, и его воля, которую, конечно, не сломить, тоже стала причастной этой области совершенного, пытаясь ей подражать, хотя и не весьма умело.

Конечно, может быть только *одно* божественное, что подтверждается следующим тактом, в котором опять звучит чистая трансцендентная музыка, в которой напрочь отсутствуют басы, тем самым как бы напоминая человеку, что для причастности к божественному недостаточно просто пытаться подражать ему, но необходимо обладать стремлением быть в нем, а также необходим факт снисхождения божественного на человека, способный успокоить ускользающие от него самого страсти.

Далее, ближе к восьмой минуте божественный свет затухает, несколько секунд мы снова слышим одинокие басовые ноты. Субъект вернулся к себе самому из состояния резиньяции воли. Но и на этом композиция не заканчивается, поскольку мы вновь слышим уже знакомый нам ритм, который вновь возвращается к человеку и произрастает из напряженно звучащего баса. Он вновь успокаивает волю, тем самым показывая всю свою божественную мощь. Он как бы говорит нам в последних секундах, что именно божественное обладает непосредственной силой воздействия на человека, а воля и страсти отступают перед божественным светом.

Субъект, который был одинок вначале, ведь композиция начиналась с баса, вступает как бы в танец с божественным, пытаясь порой разорвать возникающую связь посредством

Ф. Шуберт. Экспромт № 1, in c-moll, op. 90. #2.

возвращения к страстям и желаниям, но совершенство и гармония идеальной пульсации захватывают его.

В конце произведения, когда субъект вновь рискует быть покинутым, когда божественный танец завершается, он на некоторое время опять ввергается в свою субъективность. Однако он уже не готов в ней оставаться, потому что обрел нечто более прекрасное, чем удовлетворение желаний своей воли, которая лишь на некоторые мгновения приносит ощущение спокойствия и умиротворения.

Божественное сияние вновь в своем спокойствии и величии возвращается к человеку, как бы говоря, что только оно есть подлинная человеческая участь, что слышится в повторяющихся последующих аккордах.

Теперь человек уже не замкнут на себе самом. Конечно, это не значит, что воля так просто окажется сопричастна божественной воле. Если вначале, пока человек не знал о существовании божественного, он был одинок, теперь же, после завершения этого прекрасного танца, перед ним встает очевидный выбор: либо вновь вернуться в мир страстей и страдания, в котором он останется по-прежнему одиноким, либо направить свой взор на божественное, к которому он уже знает дорогу, а также знает, что он больше не одинок в безграничном пространстве Вселенной.

Промежуток пути, или Брамс покидает Висбаден. Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Иоганнес Брамс.

Интермеццо. Op. 118. № 2.

Юрий Бочаров

Прослушать: <https://www.youtube.com/watch?v=5JwKDzPIYQs>

Можно представить, как девятичасовой утренний поезд не спеша трогает с места. Город «луговых ванн» (Wiesbaden), минеральных вод и закрытых на тот момент казино расплывается в купейном окне. Композитор скорее понур, нежели задумчив. С курорта, по собственному выражению, он увозил обратно все свои болезни, не забыл ни одной. Словом, человек, измученный висбаденским нарзаном. Еще эта серая затянувшаяся весна...

Мы не знаем, куда точно отправлялся Иоганнес Брамс. Но весь этот путь, железнодорожный промежуток, можно проследить на нотном стане соч.118 за №2 (уж не номер ли поезда). Не знаем какие мысли терзали композитора. Кажется, не слишком радостные. Ведь так звучит пьеса прощания, с городом ли, с человеком, пьеса расставаний, тонущих за окном пейзажей. Однако, не оставляет ощущение сквозящего, как между нот, света.

Вот проносятся мимо столбы телеграфа, насыпи и рвы, пастбища, запруды, будки и кирпичи, далекие селения, накрапывает мелкий дождик. На диване лежит нераскрытая утренняя газета Брамса, сам композитор переживает нечто вроде светлой грусти. Сейчас он представил, будто поезд идет вдоль клавиш его концертного венского рояля, «Штрейхер и сын» (№8105), черные и белые клавиши уложены, вбиты вместо сырых рельс, но затем маэстро отгоняет это видение, как несерьезное и пошловатое.

На небе тяжелые темные тучи, но где-то пробивается свет, поезд ныряет в тоннели. Еще совсем недавно Брамс решил окончательно завязать с композиторской деятельностью. Намерение оказалось неосуществимым. К счастью.

- Вот только здоровье ни к черту. Вижу всё хуже. Да и печень шалит. Но старею с музыкой.

Всё это промежутки, интермеццо лет. Они тоже звучат. Брамс вновь обратился к проносящемуся за окном пейзажу. Уныло, но сколько нот. Вот, скажем, ля-мажор.

Месяцы горячих и холодных термальных источников – позади, позади и этот промежуток, как и бестолковые висбаденские врачи, как и томик любимого Шиллера, что композитор забыл в апартаментах. Ну, в самом деле, не возвращаться же... А жаль.

Промежуток пути, или Брамс покидает Висбаден

Поезд несет, вагон качается, колеса привычно стучат. Иоганесс Брамс тихо дремлет в своем купе. Перрон пролетели без остановки, фонари, ветки, одинокий гудок.

Спустя сто с лишним лет мы слышим его маршрут, эти стройные звуки, светлую грусть, расставание без прощаний, мелодию, полную грации и чего-то удаляющегося от нас. Она играет, когда мокрые фрамуги блестят остывшим после дождя солнцем, когда вечерние огни города отражаются в лужах, когда луна проплывает за высотными домами. Интересно, заметил ли Дебюсси легкое, ненавязчивое сияние этой пьесы, когда работал над своей *Clair de lune*?

Я спросил своего старинного приятеля, Вольдемара Бонакова, прославленного энтомолога, обладающего даром синестезии: какие цвета, оттенки видятся ему во время прослушивания интермеццо Брамса? Лимонно-желтый, ответил он, представь себе графин сладкого лимонада, до краев наполненный кубиками льда, где под сенью мятных листьев плавает одинокая долька лимона.

Мне же подумалось, что к опусу 118 №2 Брамса подается не лимонад, а полусладкие вина, любовные письма, разорванные в клочки и деньги на обратный билет. Но если мелодия уже заблуждала в твоей бедной голове, то непременно погрузишься в топкие воспоминания, очнешься да справишься у зевающего собеседника:

- Любите ли вы Брамса?

У Трумена Капоте в романе «Луговая арфа» (*The Grass Harp*) индейская трава, стоило ветру подняться, звенела, звучала разными голосами на закате. В Висбадене, который оставил Брамс, – луговые ванны полны музыкальной капели, сверкающей в погожие дни.

И пускай это моя фантазия. Возможно в дальнейшем она обернется промежутком в памяти, лишь заиграют первые ноты сочинения немецкого композитора.

FIN

Опыт ассоциативной интерпретации музыкального произведения: Р.

Шуман. «Крейслериана».

Яна Амелина

Прослушать: <https://www.youtube.com/watch?v=BdHH5DjYck4>

Имя, образ и фигура Иоганнеса Крейсlera – непризнанного гения-капельмейстера, alter ego Эрнеста Теодора Амадея Гофмана, были очень привлекательны для многих романтиков – как писателей, так и поэтов, философов и музыкантов, в числе которых оказался и сам Роберт Шуман, один из величайших композиторов Западной Европы. Роберт Шуман (1810–1856) вслед за Эрнестом Гофманом (1776–1822) создает свою «Крейслериану», только не литературную, а музыкальную. «Крейслерианы» (1814 и 1838 годов) обоих творцов представляют собой циклы произведений, возможно, одни из самых значимых в творческой жизни каждого.

Примечательно, что цикл «Крейслериана. Фантазии» Шуман посвятил Фредерику Шопену, который в музыкальном плане мог оказать большее влияние на композитора, нежели Гофман. Однако нельзя отрицать и преемственность по отношению к последнему – этому свидетельствует не только название цикла. Родство Шумана с Гофманом не музыкальное, но чувственно-смысловое. Оба, и Гофман, и Шуман, – романтики, музыканты, ранимые души, отчего оба в результате и пострадали (Гофман был истощен от своего разгульного образа жизни, вследствие чего умер, а Шуман ушел из жизни, так и не излечившись от психического расстройства). Это были гении, говорившие с миром с минимальной дистанции, приблизившиеся к тайнам мироздания настолько близко, насколько они удалились от общества.

Шумановская «Крейслериана» состоит из восьми произведений. Все эти восемь фантазий объединены в общий цикл, но уловить их единый образ достаточно сложно, каждая из фантазий по-своему уникальна, и в этой непохожести друг на друга они сливаются в нечто целостное. Притом, что части произведения имеют определенный характер, выражают грусть или радость, их природа предельно не тождественна первому впечатлению о них в связи друг с другом. Пожалуй, разве что конфликтность (в романтическом смысле), парадоксальность, надрыв каждой из мелодий мог бы объединить все эти прекрасные фантазии. Конфликт героя с миром и с самим собой, конфликт приятия и неприятия, реальности и ирреальности, снов, иллюзий и жестокой повседневности – все это можно найти в фантазиях Шумана.

Р. Шуман. Крейслериана

Он создает романтическое произведение, где герою открывается фальшивый мир, обманчивая природа людей. В нем происходит неприятие человеческого, слишком человеческого. Музыка преисполнена мотивами двойственности, метаниями между двумя мирами, заигрыванием с другими реальностями, как, собственно, и в произведениях Гофмана. Что касается именно «Крейслерианы» Гофмана, то от нее, как мне представляется, Шуман

перенял следующие мотивы: таинственная природа музыки, частичная бессознательность музыкального творчества, мистическое и божественное в нем, волшебство, подлинное и

неподлинное творчество – все эти мета-вопросы волнуют, вдохновляют и ведут музыканта Шумана в процессе создания его «Крейслерианы» в ответ на гомфанианскую.

Конфликтен каждый отрывок, каждая нота и каждая пауза произведения великого Шумана. Если мы думаем, что вот, наконец, настал черед умиротворенных финальных нот, то ответом нам будет лишь кажимость их окончательности. От Шумана невольно, но оправданно ждешь надрыва, смены тона и общего настроения в самых светлых и спокойных моментах. Трагическое восприятие жизни, непонимание себя, людей и мира, –или же понимание через непонимание. Настроение пограничности и предельности достигает своего апогея в последней из фантазий в той же степени, что и в первой. Возможно, автор сделал это, чтобы уйти от линейности повествования, замкнуть музыкальную энергию, сделать этот калейдоскоп душевных мук и страданий бесконечным.

Калейдоскопически выстраивается не только внутреннее повествование, но и сам звук. Высокие ноты резко сменяются низкими, протяженные – отрывистыми, мажор – минором. Порой кажется, что это делается крайне бессвязно (между прочим, одна из глав «Крейслерианы» Гофмана называется «Крайне бессвязные мысли»). Но необычайное сочетание спокойствия и агрессии, грации и небрежности, вкрадчивости и напряжения обретает у гения Шумана определенную цельность. Во время прослушивания произведений композитора возникают противоречивые эмоции: в душе то безмятежность, то настороженность. Точно можно сказать только одно: музыка бьет в самое сердце, затрагивает глубины души и не оставляет равнодушным и безучастным. Это очень глубоко, очень точно и очень лично. И даже больно. Но это – катарсис. Такой я воспринимаю музыку Роберта Шумана.